

АНАСТАСИЯ
Сова

СОБСТВЕННОСТЬ ТИРАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Сова

Собственность тирана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320091

SelfPub; 2024

Аннотация

– Зачем бабло сперла, дрянь? Мужик огромный. Весь в татухах. А меня только что швырнули ему в ноги.— Я не брала ничего! – испуганно пишу.— Говори, рыжуха, пока по-хорошему спрашиваю! Язык не шевелится. Я просто не знаю, что ответить! Мешкаю.— Кажется, тебе недостаточно мотивации, – бугай наклоняется и рвет мою униформу в стороны. Пуговицы беспомощно разлетаются по полу.— Я отдам! – выкрикиваю резко. – Отдам деньги! – обещаю, потому что сейчас готова на все, лишь бы выбраться из цепких лап.— Если к вечеру не принесешь то, что украла, – спокойно предупреждает меня мужчина, – станешь моей гребанной собственностью!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	66
Глава 14	72
Глава 15	79
Глава 16	84
Глава 17	90
Глава 18	95
Глава 19	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Анастасия Сова

Собственность тирана

Глава 1

Дана

– Зачем бабло сперла, сука?

Низкий хриплый голос. Недовольный очень.

У меня в горле застревает воздух.

Мужик огромный. Весь в татухах.

А меня только что швырнули ему в ноги два таких же бугая.

Толкнули прямо на пол. Как вещь.

Я, похоже, разодрала колени, но кого это сейчас волнует?

– Я не брала ничего! – не знаю, как удастся пропищать.

В голове пульсирует кровь от страха и ужаса. Спину колют ледяные мурашки.

Буквально вчера у меня было все. А сегодня где-то впереди маячит дорога на тот свет. Такой ведь не отпустит. За деньги душу мою заберет.

– Говори, сучка, пока по-хорошему спрашиваю! – мужик хватает меня ладонью за щеки.

Уверена, я слышала, как хищно клацнули его зубы.

И это по-хорошему?

А сказали, серьезный бизнесмен из Москвы. Вот и верь после такого. Бандит натуральный!

Только в обед тут убиралась. В этом номере. Гору презервативов выкинула, чуть не стошнило. Но деньги не трогала. Честное слово!

Язык не шевелится. Я просто не знаю, что ответить! Нет у меня его бабок! Нет!

– Босс! Давай, мы сами с ней побазарим. Втолкуем, что нехорошо у чужих дядь бабло тырить, – с насмешкой и явным предвкушением раздается позади.

– Малышка у нас понятливая, и так все скажет, правда? – обращается ко мне «босс».

Уверенно киваю, насколько позволяет крепкий захват на челюсти.

Мужик близко. Очень. Отчетливо чувствую его запах. Чужой. Терпкий мужской аромат. Такой свести с ума может. При других обстоятельствах.

Страшно не согласиться. Сделать что-то не то. Потому и вру.

Бугай тут же меня отпускает.

Машинально подаюсь назад, чтобы быть дальше. Но даже на расстоянии чувствую его силу. Звериную. Жестокую. И холод, которым пронизан весь идеальный образ.

Не отпустит. Точно. Живьем шкуру сдерет, если потребуются.

– Это все розыгрыш, да?! – вдруг осеняет меня. – Пап,

это ты сделал? – говорю уже более уверенно. В пустоту. Озираясь по сторонам. Я уже настрадалась достаточно, но отцу, похоже, показалось мало. – Мне не нравится этот метод! Я все осознала!

С деньгами моего папы возможно все. И даже больше. А нанять парочку головорезов для запугивания – вообще пловое дело!

После моих слов со всех сторон раздается ржач. И дальше вряд ли последует: «Улыбнитесь, вас снимала скрытая камера».

Жуткие мужланы хохочут над моей глупостью, и делают это до тех пор, пока главарь не поднимает руку.

Смех тут же прекращается. Как и заканчивается воздух в моих легких. За раз вышибает.

– Вы просто не знаете, кто мой отец! – вырывается у меня под пристальным взглядом.

Да пофиг ему. И я не в том сейчас положении, чтобы угрожать: на коленях и совсем без защиты. Вот только что еще делать? Папа ведь не бросил меня совсем?! Он же присматривает, правда?!

Мужик снова делает шаг в мою сторону. Заставляет дернуться. Но я тут же врезаюсь в чьи-то громадные ноги позади.

– Кажется, тебе недостаточно мотивации.

«Босс» чуть склоняется надо мной и рвет униформу в стороны.

Пуговицы рассыпаются по полу. В оглушающей мрачной тишине я слышу, как каждая катится, дребезжа на дорогом паркете элитного гостиничного номера.

И у меня мороз по коже.

Мужчина присаживается на корточки и с усмешкой заявляет:

– Уже возбудилась, птичка?

Работает кондиционер. Соски становятся тугими от холода. Выпирают пиками под тонким дорогим кружевом, единственным, что осталось у меня от прошлой шикарной жизни. А бандюга посчитал это возбуждением.

Его пальцы нагло обхватывают соски и прокручивают их. Резко. Умело.

Дыхание становится частым и рваным. Будто я пробежала марафон. Это от страха. Жуткого и болезненно. Еще никогда я не ощущала себя настолько беззащитной.

Живот сводит снизу, и не получается пошевелиться. Тот, что стоит сзади, свел мои руки за спиной, позволив боссу беспрепятственно лапать меня крупными загорелыми пальцами. Играть с грудью, тянуть за соски, точно он имеет на это чертово право!

От паники саднит горло. Внезапно даже для меня самой из него вырывается глухой стон.

От грязного возбуждения ноет между ног. И я понять не могу, что происходит.

– Какая отзывчивая, – усмехается нахал, и я вдруг ожи-

ваю. Будто выхожу из оцепенения. – Таких сладких шлюх у меня еще не было.

Он явно намерен продолжать! Об этом буквально кричит его стоящий под свободными спортивными брюками член! Огромный член!

А что, если эти ублюдки сейчас толпой меня поимеют?

– А, ну, отпустите! – кричу, пытаюсь брыкаться. – Я отдам! Отдам деньги! – обещаю, потому что сейчас готова на все, лишь бы выбраться из цепких лап.

И только тогда все прекращается. Меня отпускают, и я тут же падаю ладонями на пол. Мне нужно отдышаться.

Главарь нежно, едва ощутимо, касается пальцами моего подбородка и поднимает голову. Заставляя смотреть в пугающую темноту его красивых глаз

– Если к вечеру не принесешь бабки, – спокойно сообщает мне мужчина, – станешь моей гребанной собственностью!

Глава 2

Дана

Мои глаза расширяются. Все еще хочется верить, что происходящее – глупый розыгрыш отца.

– Отдашь все до копейки, сука, или... – захват на моем подбородке становится жестче. Агрессивнее. Бандит хочет своих денег и хочет их любой ценой. – Глоткой своей отработаешь каждый стыренный рубль! Поняла?!

Киваю. Судорожно и часто мотаю головой.

Глаза наполняются слезами. Куда же я вляпалась?

Каша в голове. Соображаю плохо.

Мужчина отпускает меня, оставляя на коже горящий след от его жарких пальцев. Он слишком ошутим. Как клеймо. И соски все еще ноют после недавних варварских касаний.

– Из отеля бежать не пытайся, – грозно предупреждает этот зверь. – Все равно найду.

Говорит он четко. Каждое слово выговаривает.

И у меня не остается сомнений. Найдет. Притащит. Закончит начатое. А поскольку денег у меня нет...

Взгляд невольно падает на торчащий член. Там дубина у него что ли? Меня такая насмерть порвет – не зашьют. Такой в людей тыкать опасно.

Стыдно и страшно одновременно. Проклятый жар заставляет кожу гореть и плавиться.

– Ну?! Чего расселась? – дьявольская ухмылка на лице главаря обнажает белые зубы. – Брысь отсюда! Или хочешь отсосать в качестве компенсации? Глазищи горят...

Бандит кладет руку на вздыбленный бугор и не без удовольствия потирает его, явно раззадоривая себя еще больше.

– Нравится хер? – интересуется он у меня.

Быстро отрицательно мотаю головой.

И зачем я только туда смотрела?

Да, как тут не смотреть, когда он прямо перед глазами?!

– Бабло не вернешь – придется полюбить, – ухмылка превращается в оскал, от которого заворачиваются узлами органы в моем животе. – А сейчас: вон пошла из моего номера!

Повторять дважды мне не приходится.

Быстро и неуклюже сгребаю себя с пола. Буквально заставляю ноги разогнуться.

Не разбирая дороги, выскакиваю в коридор. Наспех запакиваю униформу.

Бегу и бегу, пока не оказываюсь на самом низком этаже.

Пока не ныряю в ближайший попавший на пути номер, открыв его рабочей карточкой.

Пока не сползаю по стеночке, потому что силы в моем теле больше нет, ее выдавила паника.

Пока не даю волю слезам, давящим на горло так сильно, что эту боль почти невозможно было терпеть.

Выплавав острые шипы страха, стараюсь восстановить равновесие. Умываюсь ледяной водой, чтобы взбодриться.

Нужно сосредоточиться. Собрать мысли в кучу.

Денег я не брала, как минимум потому, что у меня нет доступа к сейфу.

Черт! А я ведь даже не спросила, сколько там! Миллион? Два? Может быть, десять?

И что теперь делать? Вернуться? Уточнить?

Ну, уж, нет! Еще одной встречи с «серьезным бизнесменом из Москвы» я просто не вывезу!

А ведь утро не предвещало ничего необычного.

– Девочки! Готовьтесь выжимать трусики! – в самом начале рабочего дня влетела в хозблок возбужденная Оксана. – Там в апартаменты вчера такой мужик заселился! – девушка мечтательно закатила глаза.

И я тоже закатила. От ее глупости. Я то знаю, как все устроено. Этим курицам разве что и светит – трах на один разок. Хорошо еще, если имя их запомнят. Может, бабла подкинут на раз. Но это максимум.

Видела я таких дур. И ни раз.

Потому даже не пыталась клеиться к богатым постояльцам. К тому же, каждый день уверяла себя быть хорошей и послушной, добросовестной горничной. Надеялась, что увидев во мне перемены, папа сжалится и вернет меня в семью. Заберет обратно в мою роскошную дорогую жизнь.

Другие горничные тут же налетели на Оксану, расспрашивая всякие подробности, а я поспешила на свой этаж. И пока все девочки пускали слюни на москвича, драила номера, как

проклятая, в надежде скорее уже вернуться домой.

– Почему я? – разочарованно вскинула руки, когда где-то среди дня старшая горничная сообщила, что отправляет меня убирать апартаменты.

Меня вполне устраивали мои небольшие дешевые номера, и я не стремилась на самый верх, в отличие от остальных.

– Потому что я так сказала! – рывкает недовольная тетка. – Тебе моего слова мало разве?

– У меня даже опыта нет такие помещения убирать! Я тут три недели всего работаю! – все еще пыталась возражать я.

Терпеть не могу, когда мне указывают. Не имею никакого понятия, как я удержалась и не плюнула ей в лицо тогда.

– Вот и наберешься! Надо же когда-то начинать.

А потом она просто развернулась, показав тем самым, что разговор окончен. И мне не осталось ничего, как, сцепив зубы, отправиться на самый последний этаж, где видом из панорамных окон наслаждаются сильные мира сего.

Как же мне не хотелось туда подниматься... Всегда ведь есть вероятность, что в апартаментах могут остановиться знакомые отца. Или, что еще во много раз ужаснее, – мои. Я ведь от стыда сгорела бы!

А в итоге мой позор оказался не самым страшным делом. Теперь я это понимаю. Как никогда отчетливо понимаю. Лучше уж опозориться, чем оказаться нагло облапанной и запуганной до смерти.

Руки сами тянутся к телефону. Нечего больше делать, как

попросить помощи у папы.

Глава 3

Дана

Гудки. Три коротких, а затем вызов сбрасывается.

Но я упрямая – набираю снова.

Делала это уже тысячу раз раньше. Даже больше.

Плакала и набирала номер отца, но он, похоже добавил меня в черный список.

И сейчас я почему-то не теряю надежды. Наверное потому, что надежда – единственное, что осталось мне теперь.

В этом городе я совсем одна. Нет ни помощников, ни знакомых. Если папа сейчас не ответит, я потеряю возможность вернуть бандитам деньги, которые не брала.

Очередная попытка оказывается безрезультатной. Рычу от безысходности и отбрасываю телефон в сторону.

Он не ответит, кого я обманываю?

Внутренности дрожат. Я все еще сижу в том самом номере, куда забежала сразу после.

Только не плакать! Уговариваю себя этого не делать, потому что слезы – демонстрация слабости, и больше ничего.

Но ведь я слабая и уязвимая сейчас.

Не хочется об этом думать. Надо срочно решать, где брать деньги. Иначе придется отрабатывать их по-другому. Так он сказал. Только грубо.

Стать его собственностью... какого это будет? Что бандит

имел в виду?

Перед глазами встает этот ужасающий бугор на его штанах. И я бы не хотела оказаться насаженной на такой.

Хотя, его обладатель очень красив. Ровно настолько же, как и пугающ. И аура, заставляющая цепенеть.

Загорелая ровная кожа, покрытая татуировками. Я почему-то успела рассмотреть ее. Вглядеться, как сильно эти черные, точно ночь, рисунки шли ему.

И я не видела еще мужчину более идеально сложенного. Точно из камня кто-то аккуратно выточил каждую мышцу, высокие скулы и мужественную челюсть. Все это приправил темными волосами, густыми бровями и глазами, цвета самой глубокой бездны.

Но при этом еще никогда и никто так не пугал меня. Не заставлял сжиматься и терять контроль над мыслями. И если я сейчас же его не верну...

Пытаюсь дозвониться подружкам. Бывшим. С тех пор, как меня сослали сюда, они почти не выходили на связь. Нищей горничной я стала для них неинтересна.

Одна из них даже берет трубку:

– О, Данюсь, привет, – с наигранной радостью отвечает она. – Как у тебя дела? Папочка из ссылки не вернул?

Дежурные вопросы, которые бесят. Я уже поняла, что всем плевать на меня. Всем им. Потому не утруждаю себя ответами.

– Мне нужны деньги, Снеж, крупная сумма... Сможешь

одолжить? – закусываю губу в ожидании.

– Дан, прости... Я тебя люблю, конечно, но твой папа... Он если узнает... Он ведь запретил нам. И это не шутки! Мне тебя жаль, но за себя страшно больше. Прости, пожалуйста, дорогая...

Не хочу больше слушать эти жалкие причитания! Просто нажимаю «отбой». Зачем я вообще ей позвонила? Знала ведь...

Телефон тут же разрывается от входящего звонка.

– Где тебя носит, Тихонова? Апартаменты еще сами себя убирать не научились! – ревет в трубке старшая горничная.

– А не пойти бы тебе?! – вырывается само собой, и я скидываю вызов.

У меня больше нет времени на разговоры. У меня ни на что почти не осталось времени!

Уволят меня? Пусть! Без бабла я все равно не жилец!

Последней надеждой оказывается хозяин отеля. Он единственный здесь, кто знает, кто я на самом деле. Потому врываюсь к нему в кабинет и нагло прошу денег. Рассказываю о грубом шантаже одного из постояльцев. Прошу принять меры.

– Успокойся, Дана! – обрывает меня мужчина. – И прикройся! – имеет в виду разорванный лиф платья. – Твой спектакль мне по барабану. Станислав предупредил о том, что ты будешь готова на все ради денег, потому я не верю ни единому твоему слову.

– Так позвоните ему! Дайте мне поговорить с папой!

– Нет! – отзывается мужчина. Он спокоен. Спокоен как удав!

– Мне угрожают! – настаиваю на своем, сдерживая поток слез. – Они убьют меня, вы не понимаете что ли?

– Дана, послушай, я не дурак. И если бы в моем отеле у кого-то пропала крупная сумма, я был бы первым, кто об этом узнал. А теперь иди, мне нужно работать. Тебе, кстати, тоже. Стоимость униформы вычту из зарплаты.

Издав полный отчаяния рык, с трудом держусь, чтобы не наброситься на мужчину. Не расцарапать его наглуую тупую башку! Но на это у меня тоже нет времени.

Потому бегу в свою комнату, ведь живу прямо тут, в отеле, на цокольном этаже рядом с прачечной, скидываю с себя порванную форму. В спешке облачаюсь в единственный у меня комплект одежды: футболку и джинсы. Натягиваю кроссовки. Трясущимися руками это не так просто сделать.

В рюкзак скидываю остатки своих вещей. Их почти нет. Три недели назад меня выставили из дома практически с голым задом, прямо в том, в чем была. И я не успела пока особенно разжиться чем-то новым.

Когда выбегаю из здания отеля, меня встречает вечерняя прохлада. Я не знаю, куда пойду. Главное, подальше. Постараюсь вернуться в Москву. Заставлю отца поверить мне. А потом... понятия не имею.

Но я не успеваю уйти далеко. Буквально пара шагов за

воротами, и меня хватают чьи-то сильные руки.

– Ты смотри, кто тут у нас! – язвительно присвистывает мужик, крепко ухватившийся за мое плечо.

Я узнаю его. Он и друган несколько часов назад бросили меня в ноги своего хозяина.

– Тащи ее к боссу, – решает второй. – Похоже, малышка хочет расслабиться.

Глава 4

Дана

В ту же секунду мне захотелось закричать. Я открываю рот, но крик так и остается в горле.

Один из амбалов ловко закидывает меня на плечо. Второй шлепает по заднице. Да так сильно, что кожу обжигает острый жар.

– Отличная жопа у тебя, Рыжуля, – мужик отвешивает сомнительный комплимент.

Раньше бы за такое охранники отца руки переломали, а сейчас мне остается лишь жалкий визг. Брыкаюсь изо всех сил, бьюсь, стараюсь укусить обидчиков. Как только в поле зрения появляются другие люди, перехожу на жалобный резкий крик:

– Помоги... – но договорить не успеваю. Резкий запах от какой-то материи, что неожиданно и плотно прижили ко рту и носу, оглушает точно дубиной по голове.

Вязкое марево заволакивает сознание, и я отключаюсь, погружаясь в темную, непроглядную черноту.

Очнувшись, не сразу понимаю где. Пытаюсь пошевелиться, но тщетно. Руки чем-то крепко перевязаны сзади. А ноги прикованы к стулу, на котором я сижу.

Все тело затекло от неудобного положения, а грудь перетянуло тугой веревкой страха.

– Это не смешно! – кричу не своим голосом. – Меня будут искать! Вы не имеете права!

Искать меня вряд ли будут, и я это понимаю. Потому не оставляю попыток развязать путы, лишь сильнее стягивающие конечности.

Только когда оставляю последнюю надежду, приглядываюсь и узнаю в темноте помещения одну из комнат апартаментов. Значит, я до сих пор в отеле.

Закричать? Да кто тут услышит? Даже в давящей тишине. У нас в отеле не принято беспокоить постояльцев в дорогих апартаментах, и те могут позволить себе любые причуды.

Ждать остается недолго. Пока голова пухнет от ударов собственного сердца, слышу звук открывающейся двери.

Я пока не вижу вошедшего, но понимаю, кто пришел. Улавливаю его запах. Дичайшую энергетику.

И вместо того, чтобы протестовать со всей силы, начинаю считать приближающиеся шаги, что набатом отдаются в голове.

На этот раз мужчина в костюме. В полумраке комнаты я почему-то отчетлив вижу все его хищные черты. Особенно глаза. Точно горящие. Выдающие в нем властную безжалостную натуру.

– У меня нет ваших денег! – сообщаю, хотя меня никто и не спрашивал. – Нет и никогда не было! Потому что я ничего у вас не брала!

Он ничего не отвечает. Только подходит ближе.

Еще никогда беспомощность не ощущалась так болезненно. Путы резко впиваются в запястья и щиколотки оттого, как сильно я напрягаюсь.

И я ничего, вообще ничего не могу поделать! Открыта, Доступна. Беззащитна.

Бандит склоняется надо мной, хватается за горловину футболки и рвет ее.

Страх завязывается узлом в груди. Нет! Пожалуйста! Нет!
– У меня правда ничего нет! – взываю, пока мужчина спускает чашечки моего бюстгалтера, освобождая грудь, открывая себе полный доступ.

Соски стоят торчком. Они напряжены как чертовы каменшки. И от прохлады, ударившей по ним, вытягиваются больше, точно манят, притягивают взгляд мужчины.

Он усмехается, и я вижу, как усмешка обнажает краешки его зубов.

– Проверьте! Посмотрите по камерам! В коридорах полно камер! Вы поймете, что это не я, и отпустите!

– Ты не принесла мои деньги, – бандит вполне серьезен, – и теперь не тебе решать, что я буду делать со своей новой вещью.

Мрак наливается надо мной. Становится гуще. И в этой пугающей темноте вижу лишь ЕГО. И от взгляда, что прожигает до самых косточек, не скрыться.

Могу лишь судорожно вздыхать, ожидая вердикта.
Что он сделает со мной? Неужели, совсем отмороженный?

– Произошло недоразумение... – причитаю. Не оставляю попыток достучаться до бандита, как-то вразумить его.

– Недоразумение произошло, когда тупая сука решила, что может безнаказанно стащить у меня бабки!

– Вы... Вы не имеете права называть меня так!

– Я предупреждал тебя, что будет, если не принесешь бабло.

– Нет у меня ничего! – выкрикиваю. Да что же он такой тупой?!

– Предупреждал? – чувствую горячее мужское дыхание на моей шее позади.

Господи, помоги! Я никогда в тебя не верила, но сейчас мне просто не на кого больше рассчитывать!

– Так что все честно – и теперь ты принадлежишь мне. Моя собственность. И я буду звать тебя, как захочу. А ты будешь откликаться. Радостно, как собачка, бежать ко мне, виляя хвостиком, по первому зову.

– Я. Не. Стану, – выговариваю уверенно, будто у меня есть варианты. Точно я еще не потеряла веру в хорошее.

– Я не разрешал тебе говорить, – все так же стоя позади, спокойно говорит мужчина. Но в этом его голосе столько власти, что я почему-то поджимаю губы. – Моя вещь будет разговаривать, только когда я решу. Когда дам разрешение открыть рот.

Бандит замолкает и обходит меня, вырастая во весь свой рост перед моим взором.

– И поверь, как правило, я тут же заткну его своим членом.

Мужчина вдруг касается моих губ. Живот сводит странным спазмом. Мне хочется завывать.

Шершавый палец очерчивает контур губ. Оставляет пылающий след. Нажимает все сильнее, пока не начинает откровенно мять мои налившиеся кровью губы.

– А теперь, Бельчонок, позабавимся. Так уж и быть, я дам тебе последний шанс вспомнить, куда ты дела мое бабло.

Глава 5

Дана

Кровь бьет в голову. Я примерно представляю, что сейчас будет, но не хочу в это верить.

Забываю дышать, когда мужчина делает шаг ко мне и останавливается вплотную.

Кожа тут же покрывается мурашками, колючими и острыми, что заставляет ее воспалиться, а живот заныть сильнее от страха. Конечно же от страха, отчего же еще?

Бандит зажимает пальцами мои соски, ставшие почему-то такими чувствительными, что я едва не издаю стон, когда он только касается их. А потом вытягивает на себя, покручивает в пальцах, окончательно сбивая дыхание.

Я не знаю, почему не могу издать ни звука. Только смотрю вниз и дышу часто-часто.

– Ммм... смотрю, тебе нравится, сучка? – голос мужчины звучит насмешливо. – Похоже, давно никто не мял эти шикарные сиськи.

Он снова покручивает горошинки и оттягивает их. На этот раз сильнее. И я не выдерживаю, издав позорный стон.

Со мной ведь никогда такого не было. Я себя не на помойке нашла, и не готова была отдаться первому встречному. Такая королева, как я, должна была достаться самому достойному, самому лучшему.

Так почему сейчас я стою и увлажняюсь, пока какой-то бандит, привязавший меня к стулу, нагло сжимает и мнет мою грудь?

– Урод! Отпусти! – точно очнувшись от забытья, выкрикиваю я. Дергаю руками, пока режущая боль не пронизывает запястья, стянутые позади.

– Неправильный ответ, Бельчонок.

Боюсь, что он ударит меня. Опасаюсь любого действия.

– Нет у меня твоих денег! – кричу. – И не было никогда!

Но он лишь сильнее сжимает горошинки между пальцами, причиняя острую боль, а затем склоняется, облизывает одну тугую вершинку языком, и порозовевший сосок отзывается, тут же начиная пульсировать.

Возбуждение ударяет в голову.

Сопровствляюсь. Еложу на стуле, как только могу, и готовлюсь умолять... молить этого монстра отпустить меня или... не останавливаться.

От моей бесполезной возни горошинки лишь сильнее трутся об умелый язык. Буквально за минуту становятся еще более тугими и влажными. Пульсация в них становится невыносимой, как и то, что творится между ног.

А там пожар. Жарища. Адское пекло. И я не могу свести ноги, чтобы хоть как-то облегчить эти страдания.

– Нет! Нет... Пожалуйста... – причитаю вперемешку со стонами.

Пытаюсь пошевелить ногами, оттолкнуть обидчика, но

лишь больше утопаю в собственной обреченности.

– Мой отец убьет тебя! Убьет!

Сейчас мне не просто страшно. Я в ужасе! Меня туго привязали к стулу, и я не контролирую ничего. Даже саму себя.

Тело как оголенный провод. Оно напряжено от кончиков волос до кончиков пальцев. Киска пульсирует. Еще никогда я не чувствовала ничего такого.

Бандит вдруг останавливается. Оставляет мою грудь в покое. Делает пару шагов, обходя меня, и оказывается сзади.

Становится лишь страшнее. Особенно, когда чужая горячая ладонь ложится на мой живот и скользит ниже. Я дергаюсь в очередной безуспешной попытке получить свободу и шлю ублюдку проклятья.

Но он не обращает внимания. Расстегивает пуговицу на моих джинсах, так же поступает с молнией. Просовывает туда руку. Прямо в трусики. Туда, где еще ни одному мужчине не посчастливилось побывать.

Чужие пальцы тут же утопают в предательской влаге между моих ног.

Содрогаюсь, точно по всему телу пронесся разряд молнии. А когда пальцы касаются чувствительного места, с трудом сдерживаю рвущийся на свободу стон.

– О! Да у моей сучки потоп в трусиках?! – шепчет хриплый мужской голос у самого уха. – А ты, оказывается, грязная девчонка, Бельчонок! – заключает этот урод, нагло протискивая пальцы дальше, игнорируя любое мое сопротивление.

ние. — А, может быть, ты специально запрятала деньги, как только услышала, что я намереваюсь как следует трахнуть тебя?

С этими словами мужик резко всаживает пальцы в мою текущую щелочку.

Я хотела выплюнуть в него какую-то грубость, что пришла в голову, но она тут же улетучилась из головы, и все, что получилось выдать:

— Божечки... — на выдохе. А потом темнеет в глазах.

Он двигает пальцами очень быстро. Большим продолжает давить на клитор. Мои свободные джинсы не чинят мерзавцу абсолютно никаких препятствий.

Умопомрачительный коктейль из смеси страха, возбуждения и ненависти сжигает изнутри.

Я хочу свести бедра, пытаюсь сделать это снова и снова, но попытки соединить широко расставленные ноги, привязанные к ножкам стула, никогда не принесут успеха.

Бандит трахает меня пальцами умеючи и жестко. А я, точно в благодарность теку, как настоящая шлюха, за которую он меня принимает. Хлюпающие звуки от движения пальцев становятся все более громкими. И я только скулю от беспомощности.

И я не понимаю, почему эта экзекуция возбуждает меня. Ведь я сопротивляюсь! Буюсь в путах будто рыба в сетях. Противно думать, что подобные действия могут доставлять хоть каплю удовольствия.

– Не вспомнила? – рычит бандит. Его голос меняется, становится более низким и хриплым.

– Пошел к черту! – цежу сквозь сомкнутые зубы. Из всех сил стараюсь не кончить.

– Ясно, – не вижу его лица, но понимаю – ублюдок ухмыляется. – Тогда продолжим. У меня есть более весомый аргумент.

Глава 6

Дана

Бандит вытаскивает из меня пальцы, оставляя после себя пульсирующую пустоту и частое дыхание.

Внутренне радуюсь, что не кончила. У меня получилось. Выстояла.

Не хватало еще разрядиться на пальцы какого-то мерзавца!

Да он вообще не имеет никакого права даже просто касаться меня! Когда папа узнает, а он узнает, то сотрет в порошок этого ублюдка.

Нет, сначала он вырвет его мерзкие руки! И отрежет член, который посмел на меня подняться.

– Отличная у тебя щель, Бельчонок, – от сомнительного комплимента сужаю глаза и мечтаю испепелить этого монстра. Будь он проклят, насильник чертов! – С такой дыркой у тебя есть все шансы остаться при мне, а не возвращать мои бабки в каком-нибудь борделе.

Мои глаза расширяются от ужаса. Молюсь, чтобы мне слышались его слова. Всего лишь почудилось, ведь мозг сейчас не способен адекватно воспринимать происходящее.

– Нужно только быть послушной зверюшкой. Ты ведь не станешь создавать мне проблем?

А дальше происходит то, чего я никак не мола ожидать.

Бандит подносит покрытые влагой пальцы к моему лицу. Размазывает соки по губам. Медленно. Смакуя каждое движение.

Цепенею. Запах моего возбуждения проникает в ноздри, а от порочности ситуации сводит живот.

Я даже забываю о том, что сопротивлялась, а конечности ноют от натертых веревками следов.

– Смотри, как встал на тебя, – мужик кивает себе между ног. – Пора бы этому лживому рту немного поработать.

Нет, нет, нет, нет! Пожалуйста!

Но он все же делает то, чего я боялась больше всего. Рас-теривает ремень, ширинку, приспускает трусы, чтобы явить мне свою дубину, размеры которой я смогла прикинуть еще утром.

Вытаскивает это орудие, которым можно только пытаться, не иначе, и пару раз проводит сжатой ладонью по всей длине, обнажая крупную, практически багровую головку.

Инстинктивно сжимаюсь, предполагая теперь самое худ-шее.

– Я не стану, понятно?!

– Что? Хер не нравится? Или не было у тебя еще настоя-щих мужиков, Бельчонок? – с издевкой спрашивает.

– У меня еще вообще никаких мужиков не было, – за-чем-то сообщаю, но это происходит на автомате.

– А ты умеешь завести, шлюшка, я почти поверил.

Я бы хотела сказать, что в этот момент его глаза загоре-

лись похотью, так, должно быть, и было, но я попросту не видела ничего, кроме здорового члена. Смотрю на него и не могу отвести взгляда. Мне кажется, я даже не моргаю.

Я и члена то в своей жизни не видела вживую. Только в порно. Ну, у брата еще как-то в детстве. А потом не сложилось. Да и не очень то хотелось с кем попало.

А теперь меня, получается, даже не спросят. Нагло растерзают. Хорошо еще если не порвут.

Бандит делает ко мне шаг. Последний, что отделял нас.

И вот он со своим членом наперевес стоит рядом со мной. Касается этой палкой моей щеки, слегка похлопывает. Тянется к губам.

Ворочу нос.

Никогда и никому не позволила бы так поступать со мной. Это сейчас я беспомощная и жалкая потому что привязана. И потому что боюсь.

Ублюдку не нравится моя реакция.

– Когда я говорю тебе сосать – ты открываешь рот! – цедит он сквозь зубы.

Снова хочу выкрикнуть, что не стану, но в тот же момент, стоит мне только приоткрыть рот для крика, твердый металлический предмет оказывается прижатым в районе моей груди.

Мне хватает секунды, чтобы понять, что это.

Вместо дикого крика лишь судорожно хватаю воздух. Начинает казаться, что сердце сейчас выпрыгнет. Прошибет

грудную клетку.

Я изо всех сил стараюсь не заплакать. Не хочу показывать эту слабость и беспомощность, чтобы еще сильнее завести его.

– Открывай рот, – холодно и спокойно. – Пора вносить первый взнос. Или вспомнила, где бабки лежат? – добавляет он, сделав паузу.

– Я не брала! – выплевываю ему в лицо, чтобы он увидел, почувствовал всю мою ненависть.

– Зато мой член сейчас возьмешь. Давай, Бельчонок! Смелее! Порадуй своего хозяина. Тебе не захочется узнать, как я умею наказывать.

Глава 7

Дана

Если бы мой взгляд и правда мог испепелять, я бы давно сожгла этого мерзавца. Но мне приходится покориться, потому что дуло пистолета умеет убеждать.

Несмотря ни на что, я хочу жить. Хочу выбраться отсюда и отомстить. О, да, мистер Совершенство! И моя месть будет очень жестокой и сладкой! Для меня.

– Мне нравится, как ты сейчас выглядишь. Ты меня заводишь, рыжуля, – головка его крупного члена медленно елозит по моим губам. Поджимаю их. Неуверенно пытаюсь увернуться. Вот только жесткий металл в районе груди заставляет меня быть покорной. Сидеть смирно, пока бархатистая багровая головка ласкает мои поджатые губы.

А она именно ласкает. Нежно, будто бы бережно. Будоражит что-то внутри.

– А с моим членом во рту будешь смотреться еще лучше, – смакует свои же слова бандит.

Неожиданно мужчина зажимает мне нос, и я, в поисках глотка воздуха, инстинктивно раскрываю рот. Он пользуется моментом и проталкивает скользкую головку прямо туда.

Та быстро утопает во влаге. Не понимаю, откуда у меня во рту столько слюней. Будто ждала этот член. Сама его хотела.

– Да... – хрипло выдыхает бандит, проталкивая свою ду-

бину глубже.

Да... не так я представляла себе свой первый раз. Но вот незнакомец пихает в меня свой член, угрожая оружием, а у меня внизу лишь усиливается боль от недополученного оргазма.

Я была близка. Очень. И теперь болезненные сжатия в моем животе становятся почти невыносимыми.

Хочется сомкнуть зубы на жестком члене. Но дуло пистолета так сильно жжет кожу, что я останавливаю себя. Нет желания после такого получить пулю в грудь. Вот так бесславно закончить свое существование.

Бандит издает грязное ругательство, когда чуть подается назад и вставляет свою дубину снова, натягивая на себя мои напряженные губы.

– Давай, больше слюны! Ты должна быть влажной для меня.

Зажмуриваюсь изо всей силы. Не могу на это смотреть. Мне гораздо проще отстраниться, зарывшись в мысли о неминуемой мести.

Под плотью, оплетенной бугристыми венами, чувствуется сталь. Твердая. Горячая. Она обтянута бархатистой приятной кожей.

Думала, меня стошнит от отвращения. Я молилась, чтобы меня вырвало и вырвало прямо на него! Но этого не случилось. Лишь голова начинает кружиться, когда вдыхаю запах мужского тела, когда по языку вновь проскальзывает плот-

ный рисунок жестких вен.

От отвращения к себе немного мутит, но я как могу не обращаю внимания.

Я уверяю себя в том, что делаю все ради жизни, моей жизни. А не потому что мне нравится. Бандюга спустит курок в любой момент, и от меня останется лишь воспоминание.

На деле же – грудь сладко ноет, и я уже сама подаюсь навстречу влажному от моей слюны члену.

– Глаза не закрывай! – хриплая команда сверху, и я почему-то повинуюсь ей. – В глаза мне смотри. Мне это нравится.

Поднимаю взгляд, и вижу телефон в его руках. Он что, снимает?

Жар тут же пробегает по моему скованному по рукам и ногам телу. Картинка, что тут же представала перед глазами, увиделась мне ужасной и омерзительной. Но при этом настолько порочной, что живот снова налился тяжестью.

– Да, шлюшка, давай! Соси мой член! Не отказывай себе в удовольствии...

И я сосу. Боже! Я делаю это и не останавливаюсь, даже когда улавливаю, что оружие больше не упирается в грудную клетку. Меня подстегивают его дыхание и стоны. То, как мужчина отзывается на мой рот. Точно сейчас я имею над ним власть, а не наоборот.

Мои глаза закатываются, когда мужик толкается в меня слишком глубоко. Дергаю руками, чтобы схватиться за его бедра и оттолкнуть, забыв про веревки, натирающие запя-

стья.

– Смотри в глаза! – он тут же простанывает приказ, которому я почему-то подчиняюсь, будто и в самом деле его послушная влажная зверюшка, с радостью принимающая дубину в рот по первому требованию.

Как же я его ненавижу!

– Шире рот!

От приказа моя киска сжимается. Я еще пытаюсь как-то сопротивляться, пока бандит не натягивает на здоровенный кулак мои волосы и вынуждает испытать боль.

Смотрю на него и понимаю, как сильно этот мужчина сейчас похож на животное. Расширенные глаза, губы приоткрыты. А член пульсирует у меня во рту, явно получая грязное удовольствие.

– В глаза смотри! – слышу последнее перед тем, как бандит вгоняет член мне в горло.

Воздуха резко начинает не хватать. Я давлюсь. И от страха расширяю глаза. Но он будто не замечает и делает это снова, наталкивая мою голову на свой крупный стояк.

Ему хватает буквально несколько движений, чтобы член мощно запульсировал, а его хозяин громко застонал, назвав меня отличной шлюхой.

Горячая струя ударяет в заднюю стенку горла. И все, что я испытываю сейчас – облегчение. Мне теперь никогда не отмыться оттого, что случилось, но, по крайней мере, это закончилось.

Мужик вытаскивает член.

– Открой рот. Хочу убедиться, что ты все проглотила.

Конечно я проглотила! У меня не было не малейшего шанса выплюнуть эту гадость. Желательно в красивую морду ублюдка. Чтобы он своей спермой сам подавился.

Открываю. Мне терять нечего.

Он подносит камеру ближе, а затем хвалит меня:

– Молодец.

А я только стискиваю зубы, волком глядя на него. У меня нет сил на то, чтобы кричать или хоть как-то сопротивляться.

Камера отключается и смартфон отбрасывается в сторону.

– А теперь оближи, – бандит берет член в руку. – Хочу чтобы ты почистила его.

– А не пойти бы тебе нахрен?! – выдаю в ответ, что вызывает на мужском лице улыбку, напоминающую больше оскал. Хищный. Предупреждающий о последствиях.

Тогда он просто подносит член к моему лицу и разматывает остатки семени по щекам.

– Рам! – кричит он кому-то, пряча член в штаны, и я судорожно озираюсь по сторонам.

В комнате возникает один из прислужников главаря.

– Разберись с ней, – кивком указывает на меня, а сам подхватывает мобильный и скрывается за дверью.

Глава 8

Дана

«Разберись». Это слово пульсирует в голове без остановок. Проходит пара секунд, а я уже будто слышала его тысячу раз.

Неужели, «босс» распорядился убить меня? Поимел, а потом...

Вот теперь хочется завывать. По-настоящему. Во все горло. В руке Рама поблескивает нож. Вижу, как отражается в лезвии тусклая настольная лампа.

И тогда я кричу. Пока не понимаю, что бугаина не собирается меня убивать, а лишь срезает веревки, перетягивавшие запястья и щиколотки.

– Хорош уже орать, – просит он. – Голова сейчас лопнет от твоего крика.

Замолкаю, и гложу от образовавшейся вдруг тишины.

Чувствую себя так, будто меня шибанули по голове пыльным мешком. Или я проспала пару десятков лет, а теперь вернулась к жизни, и никак не могу прийти в себя.

– Иди умойся, у тебя лицо в конче, – предлагает мужчина и кивает в сторону ванной комнаты. Я и без него прекрасно знаю, где она находится. Но сейчас не сообразила бы, честное слово.

Когда пытаюсь подняться, понимаю, что ноги ватные. Еще

и болят от напряжения. Как и скулы болезненно ноют, будто здоровый член до сих пор терзает мой рот.

До ванной добираюсь по стеночке. Перебираю по ней руками, пока не оказываюсь у нужной двери. Там уже хватаюсь за столешницу, обхватывая ее пальцами, пока они не начинают покалывать.

Моя голая грудь покрыта яркими красными пятнами. Она горит. Соски такие крупные и плотные, какими никогда не были. Спешу спрятать этот позор, натягиваю тонкие чашечки обратно. Хотя, какой смысл? Даже Рам, наверняка успел отлично рассмотреть мои сиськи.

Киска все еще ноет от возбуждения. Предательница хренова! Я не хочу этого чувствовать! Всей душой не хочу. Мне мерзко думать о том, что я возбудилась от собственного унижения. Не бывает такого в жизни, чтобы грязь заводила, вынуждала желать.

Футболка безнадежно испорчена. Порвана от горла почти до самого низа. Гуччи, между прочем. Стоит больше моей здешней зарплаты.

А еще она единственная у меня. Больше нет.

Не рискнув снять ее, так и оставляю висеть на мне бесформенной тряпкой.

Умываю лицо. Оттираю пальцами мазки спермы, а она не хочет оттираться. Будто норовит остаться на моей коже, как уродливое напоминание.

Вообще вид у меня не очень. Растрепанные волосы, тушь

потекла. Я точно истерзанная жертва холокоста. А, главное, пострадала ни за что. Просто так. Не в то время и не в том месте оказалась.

– Ты там долго еще? – дубасит в дверь здоровенная детина.

На всякий случай, оглядываю помещение. Кажется, в каких-то номерах в ванных комнатах были окна.

Да, точно. Довольно крупное окошко рядом с душевой кабинкой. Я вполне пролезу в такое, если точно соображу, как до него добраться.

Остаться здесь? Зачем? Снова пережить насилие? Да я сдохну лучше, кости переломаю, но этому мудаку не достанусь. Там, растянувшейся на лужайке перед отелем, у меня гораздо больше шансов на нормальную жизнь, чем с этим конченным ублюдком.

Тут же бросаюсь к окошку. Собираю в кулак все остатки своих сил.

Точно человек-паук цепляюсь за узкий подоконник, вытянув руки, одной ногой опираюсь на ручку дверцы кабины, чтобы помочь себе подтянуться.

Но не успеваю. Только повисаю на окне животом, когда Рам стаскивает меня обратно, покрывая разного рода неприличными ругательствами.

– Пусти меня! Пусти! – ору, что есть мочи. – Я лучше сдохну, чем с ним буду!

Брыкаюсь, как бешеный зверь, пока громила несет меня

до кабинки, прижав спиной к своему животу. Швыряет меня туда, как какой-то мешок, и быстро смыкает дверцы.

Налетаю на них и долблюсь со всей силы. Но здоровяк крепко держит их за ручки, а стекло слишком толстое, чтобы я сумела пробить его.

А я все бьюсь и бьюсь, как дикий зверь, против воли запертый в клетке. А Рам не уходит и не отпускает.

– Выпусти меня! Выпусти! – кричу вперемешку с воплями.

Уже кулаки все сбила, а эта громадина даже глазом не моргнула.

– Выпусти, скотина! – то ли приказываю, то ли молю. – Мой отец богат! Очень богат! За мою жизнь он отдаст любую сумму.

Но Рам не открывает. Стоит и держит дверцы кабинки, пока я не обмякаю внутри, осев на пол.

Мужчина ждет еще пару-тройку минут, а затем чуть приоткрывает двери.

– Остыла? – спрашивает.

Хочу налететь на него, пока есть возможность, но вовремя останавливаюсь. Где мне с таким тягаться? Может быть, с ним по-другому надо? Лаской?

Потому киваю.

– Душ прими. Потом ссадины обработаем.

– Ссадины? – удивленно смотрю на него снизу вверх.

– Ссадины. На руках и ногах. Не помажем – долго зажи-

вать будут.

Только сейчас замечаю, как сильно веревки натерли руки и ноги.

Наверное, в моем взгляде читается испуг, потому что Рам добавляет:

– Нечего было выпендриваться. Сказали член полировать – рот открыла и полируешь. Здесь так все устроено.

– Я вам не шлюха какая-нибудь! – зло выплевываю.

– Ага, не шлюха, – усмехается мужик. – А че сиськи красивые? Пизда еще, поди, насквозь промокла?

– Да вы... Да я... – задыхаюсь от такой откровенности. И наглости.

– Так че, трусы сырые, угадал? – в глазах Рама блестит азарт.

– Дверцы закройте. Я мыться буду.

Ухмыльнувшись, бугай делает то, что я прошу.

– Только отвернитесь.

– Еще чего? Чтобы ты к окну опять сиганула? Я твои тонкие кости от асфальта отскребать потом не собираюсь. И моя рожа мне дорога. Не хватало еще за какую-то шлюшку в бубен получить.

Сцепляю от ненависти зубы.

Я вам всем отомщу, уроды моральные! Помяните мое слово. Вы все сгорите в аду!

Глава 9

Дана

После душа Рам протягивает мне халат, мягкий и пушистый, как и все в нашем отеле. Самом престижном в этом районе.

Папа был уверен, что тут со мной ничего не случится, попросил хозяина приглядывать. Вот только тот с задачей не справился. Меня так легко похитили, заперли в одном из номеров, а никто даже не кинулся искать.

– Давай в кроватку, киска, – мужчина лыбится, покручивая в пальцах тюбик с мазью.

Потертости горят после душа, но я изо всех сил делаю вид, что мне плевать.

Рам уже не кажется таким уж страшным. Особенно, когда он нежно втирает мазь мне в ноги своими крупными шершавыми пальцами.

Я радуюсь, что он не лезет ко мне, не лапает жестко. Хотя, с самого начала было понятно – прихвостни бандита тоже не прочь развлечься с моим телом.

Может быть, мне еще удастся как-то разжалобить здоровяка, попросить помощи? Он не такой уж бессердечный ублюдок, если присмотреться.

– А теперь – спать. Я буду в соседней комнате, так что лыжи на свободу не мыль.

– Спасибо, – отвечаю. Но не потому что благодарна. Это мой план. Быть хорошей, нежной и грустной, пока у Рама не поплывут мозги от жалости. Хотя, есть ли там мозги? Не знаю...

Конвоир выходит, предусмотрительно оставляя дверь между спальней и гостиной открытой. А я с грустью поглядываю на свои вещи. Хорошо, хоть белье цело. С ним мне гораздо комфортнее.

Когда накрываюсь одеялом, тело мгновенно наливается тяжестью. Ноет буквально каждая мышца. Какой-то запоздалый эффект от пережитого напряжения. Меня будто били и нещадно терзали долгое время.

Закрываю глаза, представляя, как убиваю ублюдка. Всаживаю в него ножик и прокручиваю, смакуя, как гаснет жизнь в его красивых глазах.

Вот и почему так устроено, что красавчики всегда такие мерзавцы?

Через полчаса уже перестаю дергаться от каждого шороха. Ждать, что бандит появится снова, чтобы продолжить начатое.

В компании Рама мне почему-то спокойнее. Я ощущаю его защиту, хотя это и глупо. Он здесь, чтобы не дать мне сигануть в окно, а вовсе не для того, чтобы спасти. Это ясно и дураку. Думаю, бугай даже с удовольствием подержит мне ноги, пока его хозяин будет вгонять в мою нежную плоть свой здоровый болт.

И я проклинаю себя за то, что сейчас лежу и ничего не делаю, вместо того, чтобы биться до последнего за свою жизнь. Но сил нет. Ни морально, ни физически.

И я даже сама не замечаю, как под монотонное бормотание телевизора в соседней комнате, проваливаюсь в спокойный сон. А утром просыпаюсь в холодном поту, вскакивая на постели.

Мне хватает пары секунд, чтобы понять – похищение и насилие мне не приснились.

Рам все так же шуршит в соседней комнате, и пока мужчина отходит чуть дальше, подсказываю к окну, чтобы оценить высоту падения.

– Не советую, – раздается позади, пока я вытягиваю голову, чтобы примериться.

Испуганно оборачиваюсь. Огромный Рам посасывает кофе из малюсенькой чашечки. Он занимает собой весь проход.

– Заказать тебе? – спрашивает он у меня.

Но я ответ отрицательно мотаю головой. Может быть, я успею сдохнуть с голоду до следующей встречи с его боссом?

– Ну, как знаешь.

В дверь кто-то стучится. Дальше раздается пиликающий звук от приложенной карточки и знакомый голос одной из девочек:

– Уборка номеров.

Мужчина медленно проводит большим пальцем по свое-

му горлу на случай, если я завизжу или попрошу помощи.

Я почему-то уверена, что именно так и будет. Не хочу, чтобы еще кто-то пострадал.

– Тихонова?! – Валины глаза расширяются настолько сильно, что вот-вот вывалятся из орбит. – Ты что тут делаешь?

Девчонка обходит мужика, будто его тут нет, а он внимательно на меня смотрит, предупреждая взглядом, что одно неверное слово – нам капец.

Я даже не нахожусь, что ответить.

Валя оглядывается и, убедившись, что Рам ретировался в соседнюю комнату, заговорщически спрашивает:

– Ну, давай, рассказывай! Как он? Блин, девки сдохнут от зависти! У него большой? Оксанка думает, что минимум с руку.

– Маленький, – соглашаюсь, и щеки тут же начинает печь от прилипшего жара.

Глазищи моей коллеги становятся еще больше.

– Я таких хилых отростков в своей жизни еще не видала! – заявляю со всей уверенностью.

Хоть так этому уроду насолю. Глухой хохоток Рама приносит мне удовольствие.

– И пользуется он им так себе, – иду до победного, спеша унижить бандита в глазах девчонок как можно сильнее.

Валя все сильнее приходит в изумление.

– Но член ведь не главное, правда? Мы же с тобой пре-

красно знаем, зачем мы здесь.

Глазами и мимикой лица я всячески пытаюсь намекнуть девчонке, что мне грозит опасность. Но она будто не замечает. После моих слов ее, кажется, больше ничто не волнует, кроме полученной информации о мистере «девочки, выжи- майте трусики».

– Все настолько плохо? – изумленно переспрашивает Валька.

– Прикинь?!

У меня глаза уже ноют от напряжения, а эта все в своих влажных мыслях летает.

– А я, блин, как дура, форму вот перешла, чтобы покороче была. И даже трусики не надела, – последнее говорит уже шепотом. – А тут такой облом! Хотя, знаешь, – добавляет девушка, немного подумав, – ни с членом же ходить по салонам и ресторанам. А, как думаешь, он не будет против втроем?! Ну, это самое?! – смущенно интересуется Валька.

– Хорош триндеть! – возникает позади Валиной спины громила Рам. – Не нужна нам уборка. Вали давай! А если так трахаться хочешь – можешь мне яйца полизать, я не против. Рот у тебя, смотрю, рабочий.

Валька раздувает щеки от негодования, а у меня почему-то губы расплываются в язвительной усмешке. Умеет Рам с женщинами разговаривать. Романтик чертов!

– Я... я попозже зайду, – выпаливает неудачливая любовница бандита и выскакивает из номера, как пробка из бутылки.

ки с шампанским.

– А ты чего смотришь? – мужик теперь обращается ко мне. – Твои приключения только начинаются.

Глава 10

Дана

От его слов загорается кожа.

Все воспоминания о члене бандита вдруг снова становятся явью.

Не знаю, как мне удастся сдержать в горле рвущийся крик, не бросить Вале вслед, что мне очень-очень сильно нужна ее помощь! Мне жизненно необходима хоть чья-то гребенная помощь!

– А если я не хочу? – голос дрожит, когда я задаю Раму этот глупый тупой вопрос. – Я могу вернуть деньги. Мне просто нужно время. Понимаешь? Несколько часов недостаточно, чтобы собрать такую сумму.

– Какую? – будто передразнивает меня мужчина.

– Такую! Да какая разница?! Не из-за пары же тысяч вы заставляете меня страдать!

– Хочешь совет дам?

Ничего не отвечаю, только шумно выдыхаю носом, гордо задрав голову. Не нужны мне его советы! Пусть подавится ими!

– Будь послушной и член глубже заглатывай – и будет тебе счастье, – все же делится ценной, по его мнению, информацией Рам.

– А если я не хочу? – чуть ли не вою, повторяя свой недав-

ний вопрос.

– Захочешь, если шкура дорога.

От безысходности руки падают по швам, безвольно повисая плетью.

В последний раз я чувствовала себя так, когда папа принял решение отлучить меня от семьи. Мой мир просто рухнул. Разлетелся на такое количество осколков, что я и себя не помнила. Мне потребовалось несколько дней, чтобы просто начать дышать. Банально втягивать воздух и не испытывать при этом жгучую боль внутри.

Я рыдала, умоляла родного человека не делать этого, но он не послушал. Папа был холоден и неприступен. Так почему я решила, что абсолютно чужой человек сейчас должен пойти мне навстречу?

Дверь издает характерный звук от приложенной карточки, и номер распаивается. В помещение входит мой мучитель, и Рам делает шаг в сторону от меня.

Его лицо будто становится суровее, и он уже не напоминает друга с улицы.

– Оставь нас, – тут же слышится приказ, и мужчина выходит из номера, действительно оставляя нас наедине.

Сердце бухается куда-то вниз и, кажется, там останавливается. Совсем.

Смотрю на бандита, что медленно подходит ко мне, и дивлюсь, насколько предстательно он может выглядеть. Дорогой костюм. Тонкая рубашка, идеально выглаженная. Не

видно ни одной татуировки. Сразу и не скажешь, что за закрытыми дверями номера этот человек может творить такую дичь.

Его выдают только глаза. Бездонные пропасти, устланные черным льдом. Мужчина смотрит на меня с явным предвкушением. Прожигает похотливым взглядом. И мне тошно от того, что этот взгляд вызывает внутри меня не только волнение и страх, но и странное возбуждение, что, кажется, застряло во мне с последней нашей встречи.

– Разденься, – командует он уже мне, а я инстинктивно лишь сильнее кутаюсь в халат. Под ним только маленькие трусики, и у меня дыхание перехватывает от мысли об этом. И о том, как нагло и грязно чужие пальцы трогали меня между ног.

Я просто не понимаю, откуда берется эта пошлая наклонность во мне. Ни один мужик не заставлял меня думать о сексе. Я была избирательна и недоступна. И мои откровенные наряды занимали половину гардероба лишь для того, чтобы заводить других. Такая вот игра. По моим правилам.

– Зачем? – уточняю.

Боже! Какая же я непроходимая дура!

– Разве я должен отчитываться перед своей ручной шлюшкой? – вскидывает бровь. Неповиновение не нравится.

А я все пытаюсь уцепиться за что-нибудь в его взгляде. Должно же там быть хоть что-то человеческое.

– Или тебе по кайфу стать общей? Работать не только над

моим членом, но и над членом любого, кто заплатит?

Мотаю головой. Этого я точно не хочу.

– Хочешь полировать только мой хер?

Снова трясую головой из стороны в сторону. Я вообще никому ничего полировать не хочу.

Бандит усмехается.

– А придется. Пока не потеряю интерес. Так что, давай, заинтересуй меня, Бельчонок! Хочу посмотреть на что пойдут мои сворованные миллионы.

Миллионы...

Мешкаю. Застываю. Страшно.

Кто вообще берет с собой в отель столько денег?!

– Быстро!

Слово действует на меня как острый подгоняющий шлепок. И я тянусь к поясу халата, непослушными руками развязываю узел. Мягкая ткань падает к ногам, и я на автомате прикрываю грудь.

Наверное, мой распахнутый взгляд сейчас полон надежды. Ведь больше всего я хочу, чтобы все прекратилось. Закончился этот унижительный осмотр.

– Дальше, – гремит мужчина, и мне снова приходится повиноваться.

Неуклюже снимаю трусики, что скручиваются в трубочку, пока ползут вниз по моим ногам.

Возбуждение сильно ударяет по низу моего живота и оседает на складочках. Они легонько пульсируют, наливаясь же-

ланием, и я ненавижу себя за это сейчас.

Прикрываю лобок, хотя понимаю – бесполезно. Захочет – возьмет. И, судя по горящему взгляду мерзавца, он хочет сделать это прямо сейчас.

– Убери их, – имеет в виду руки. – Пока снова тебя не связал. Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал это?

Я не хочу. Поэтому нервно опускаю руки. Они падают по швам.

Бандит обходит меня, оглядывая. Приценивается. Как к товару. Не остается никаких сомнений, что я для него я не человек даже. Вещь. Кажется, так он говорил. Уже не помню. Все мысли в голове запутались. Потому что он рядом. Очень близко. Непозволительно.

Бандит подходит ко мне сзади. Одна его рука ложится мне на шею. Жестко. Издаю судорожный вздох, больше похожий на всхлип. Кажется, надави он чуть сильнее, я не смогу больше дышать.

Вторая ладонь ложится на живот. И мужчина притягивает меня к себе, вдавливая в прохладную ткань костюма.

Моя кожа горячая и воспаленная, потому она сразу же покрывается мурашками.

Сердце мгновенно ускоряется. Бьется в груди испуганным воробьем.

Хочу отвлечься и думать о чем-то отстраненном, но это так сложно, когда чужие руки шарят по телу. Медленно, но верно ползут к тому самому месту, что уже предательски

увлажнилось.

Меня будоражат мысли о том, что совсем голая, а мужчины на одет. Это так порочно и развязно, что в разы усиливает такие ненавистные мне приятные ощущения.

Потому не получается сдержать облегченный стон, когда властные пальцы скользят по лобку и раздвигают нежные складочки. По телу расползается нега и бьет в голову.

Мне так сильно хочется, чтобы он прекратил, но не меньше я желаю, чтобы продолжил. Хочется почувствовать, как эти пальцы, скользящие по чувствительным губкам, окажутся у меня внутри. Резко. Быстро. Как было вчера.

– Прогнись! – одна рука внезапно освобождает шею, вторая оставляет нижние губы пульсировать и гореть.

Бандит надавливает мне на спину, вынуждая исполнить приказ.

Моя киска раскрывается, наталкиваясь на каменный столик, спрятанный под брюками. На это раз получается сдержать стон, но я все же не удерживаюсь оттого, чтобы вильнуть попкой, позорно потереться о твердую выпуклость.

– Давай, сучка, не сдерживай себя! – реагирует на мои действия мужчина. – Покажи, как рада хозяину.

Его слова отрезвляют. Я, наконец, начинаю понимать, что вообще делаю. И только тогда останавливаюсь. Щеки и грудь горят от стыда. Слезы приливают к глазам. Но я не заплачу. Нет. Перед ним не буду слабой.

Бандит собирает мои волосы в свой кулак, жестко накру-

чивает их, заставляя меня запрокинуть голову. Плотнее прижимает к киске.

– Вот так я возьму тебя, сука, когда мы окажемся на месте, – с предвкушением сообщает он мне. – А сейчас собирайся. Пора показать тебе твою новую клетку, Бельчонок.

Глава 11

Дана

Бандит протягивает мне пакет. Только сейчас замечаю, что он принес с собой что-то.

– Здесь вещи. Надень их.

Холодно и безразлично.

В пакете с известным логотипом нахожу элегантное платье красного цвета, коробку с туфлями моего размера и помаду в цвет платья.

Удивительно, откуда этот человек мог взять брендовые вещи в городе, где о них вряд ли что-то вообще слышали? Не думаю, что у него есть свой фирменный курьер, способный в кратчайшие сроки доставить шмотки в любую точку страны.

– А белье? – спрашиваю, перерыв весь пакет.

– Хорошей шлюхе не нужно белье. Оно лишнее в твоём гардеробе.

– Я не буду ходить без белья! – возмущенно отбрасываю в сторону пакет.

Смешно смотрится: полностью обнаженная, под взглядом жуткого бандита, прикидывающегося нормальным, пытаюсь качать свои птичьи права.

– Не хочешь без белья – голая пойдешь. Вот подружки удивятся.

Заглядываю ему в глаза и пытаюсь понять, насколько се-

рьезно говорит.

– А вообще... Не ценишь ты, шлюха, хорошего отношения. Я тебе вон шмоток дорогих принес, не поскупился, а ты... По кругу тебя что ли пустить?!

Конечно, он серьезно. И его слова, определенно, доходят до адресата. Хватаю пакет и достаю платье. Натягиваю его на голое тело, на ноги напяливаю туфли. Немного жмут, но сойдет, если жить хочется. А мне хочется. Как никогда хочется жить.

– Вот! – раскидываю по сторонам руки. – Доволен?

Наверное, мои слова звучат слишком грубо, потому что в следующий миг бандит мгновенно преодолевает расстояние между нами. Хватает меня за щеки, не щадя, задирает голову, чтобы смотрела в глаза и произносит в лицо, так близко, что я чувствую его дыхание. Горячее, с привкусом ментола:

– Мне плевать на тебя, запомни! Срать на то, что ты чувствуешь. Ты моя вещь. Подстилка. Ты делаешь, что говорю, надеваешь, что говорю и даже дышишь лишь с моего разрешения. Так что подумай в следующий раз прежде, чем соберешься дерзить.

Он отпускает меня, и я пошатываюсь. Скулы до сих пор больно. Я чувствую, как его пальцы все еще прижимают щеки к зубам.

Хорошо, что не ударил. Наверное, надо быть благодарной?

После мы садимся в машину, едем на аэродром. Аэропор-

том это место не назовешь – маленькое здание, обставленное по-старинке.

Я уже и не удивляюсь тому, что у мерзавца есть личный самолет с экипажем, дующим ему в задницу, как и тому, что нас без проблем выпустили из отеля.

Не знаю, где в этот момент был его хозяин, но девочки совершенно точно решили, что я сбегая с красавчиком в новую жизнь. Оксана так смотрела... мне показалось – еще секунда, и моя кожа загорится. И эти дуры с радостью сожгут меня костре инквизиции.

А теперь, вернувшись в столицу, мы снова едем на машине. Тонированной и огромной. Знакомые пейзажи за окном будоражат воспоминания. Прошлая жизнь кажется такой далекой, точно и не со мной была.

– Приехали, – сообщает Рам. Его босс предпочел не делить со мной машину. Так же, как и комнату в личном самолете.

Весь перелет, занявший около часа, меня развлекал Рам. Рамиль, если быть точнее, так его несколько раз назвал напарник.

Осматриваюсь, выходя из машины. Красивый ухоженный двор.

Думала здесь будет куча вооруженной охраны, но ничего такого нет. Лужайка зеленая, солнце над головой желтое, небо голубое. На филиал ада на земле не очень похож.

Бандит направляется в сторону дома, и Рам подталкивает

меня в спину, чтобы следовала за ним. А я что? Мысли его читать должна?

– Папа! – в доме нас встречает белокурая девчонка с ангельски лицом и точно таким же кудряшками.

Она радостно бежит в нашу сторону, не замечая ничего на своем пути, кроме «папы».

Это слово точно ножом по сердцу скребет. Разве может такой ублюдок быть отцом? Да еще и отцом такого милого ребенка?

Девочка очень быстро обнимает мужчину и тут же отстраняется. Отходит на маленький шагочек.

– Ты уже помыл руки? – спрашивает она.

– Не успел, – бандит пожимает плечами.

– Грязными руками трогать нельзя, – напоминает малышка. – Сначала ты должен помыть руки.

– Непременно, я помою руки.

Но тут девочка замечает меня. На секунду ее глаза расширяются, встречаясь с моими, и она спешит развернуться и побежать в обратную сторону, пока не врежется в женщину, которую я увидела только сейчас. Утыкается в нее и даже затыкает уши.

Ее отец кривится. Но это единственная реакция, которую он выдает.

– Рам, проводи нашу гостью в ее комнату, – командует он. – Пусть готовится к завтрашнему дню.

Глава 12

Дана

Рамиль тихонько толкает меня в спину в направлении лестницы.

Я действительно делаю шаг, все еще в недоумении оглядывая происходящее.

У меня в голове будто есть несколько кусочков пазлов, что не укладываются в общую картину мира. Я по-всякому пытаюсь уложить их, но они точно от другого набора.

Девочка все еще стоит отвернувшись и зажав уши. От моего присутствия испытывает явный стресс.

Женщина старается увести ее, но тщетно. Бандит тоже стоит в стороне и даже не пытается успокоить собственного ребенка.

А еще меня страшит это его: «пусть подготовится к завтрашнему дню».

Что будет завтра? Меня принесут в жертву какого-нибудь Богу? Продадут на аукционе? Лишат девственности?

Даже страшно подумать. Я ведь понятия не имею, на что способен хозяин этого дома, но все его угрозы звучали более, чем убедительно.

Он заставил меня поверить в свою власть. Ощутить силу, которой наделен. Точно внушил, что любое мое действие, неуютное ему, будет обязательно иметь негативные послед-

ствия.

– Что будет завтра? – задаю волнующий вопрос провожатому.

К тому моменту мы как раз останавливаемся у одной из дверей на втором этаже особняка. В своих мыслях я даже не успела толком рассмотреть окружающее пространство и запомнить дорогу вниз. Правда, что-то подсказывает – эти знания мне бы все равно негодились. Рам вставляет ключ в замочную скважину и, скорее всего, запрет снаружи, как только я окажусь внутри.

– У босса важная встреча. И ты будешь там. С ним.

– В роли кого интересно? – нервно хмыкаю.

Как-то я видела порно-ролик, где практически голую девушку на поводке привели в гостиную, полную людей. Женщины, мужчины – их было много. Все выглядело даже цивилизованно, если бы ее не заставили залезть на стол, видимо, в качестве основного блюда вечера. И то, что происходило дальше я просто не смогла смотреть.

– А в роли кого обычно девушек на деловые встречи берут? – отвечает Рамиль вопросом на вопрос.

– А я откуда знаю? – бросаю ему. – Я всего лишь горничная в отеле, меня на разные мероприятия не приглашают.

– А орала, что отец богатый! – напоминает мужчина. – Забавная ты, Рыжуля.

– Если он собирается там трахать меня при всех... – от возмущения у меня раздуваются щеки. Сознание становит-

ся настолько взволнованным, что я не могу даже закончить фразу.

– Ты мне только мозги не трахай, лады? Там в ванной банки-склянки для тебя, ну, посмотришь. Чтобы завтра утром была отдохнувшей и душистой. Чуть позже принесу ужин.

Рам, видимо, не хочет больше тратить на меня время, поэтому уходит. Дверь, действительно, закрывает на ключ, и я рвано выдыхаю.

Потом зачем-то подхожу к ней, прикладываю ухо к дверному полотну, но в коридоре абсолютная тишина. Ни шороха, ни какого-либо другого звука.

На меня нападает удушающая тоска. Скидываю туфли, натираю ноги, следом хочу стянуть платье, но вспоминаю, что под ним нет вообще ничего.

Потому пока оставляю наряд на месте. Осмотрюсь для начала, а дальше уже решу, что делать.

Первым делом, исследую шкаф. Его содержимое меня искренне удивляет. Там висят несколько платьев. С этикетками. Внизу три пары туфель, сумочки. Но на этом все. Белья нет. Как и какой-либо одежды более свободного и повседневного стиля.

Хозяин дома точно собирается держать меня взаперти и лишь изредка выгуливать свою вещицу на каких-то светских приемах, о содержании которых я могу только догадываться.

Кто он вообще? Я ведь даже его имени не знаю. Я ничего о нем не знаю, кроме... да, пожалуй, совсем ничего.

Судя по положению солнца, до конца дня остается не так уж много времени. Чуть позже мне правда приносят ужин. Но не Рамиль. Какая-то девушка, горничная, видимо, которая на любые мои вопросы отвечает однозначно: «Мне запрещено с вами разговаривать, простите.»

Кругом какая-то засада! Папе бы позвонить... но у меня никаких личных вещей не осталось...

Но, быть может, хоть теперь он ищет меня? Хозяин отеля ведь должен был сообщить, что я пропала, уехала с постояльцем? Это видели все. А горничные точно растрепали. В нашей гостишке слухи быстро расползаются. И Оксанка бы не упустила возможности позлословить.

Только на это и остается надеяться. Когда думаю о том, что папа уже узнал о пропаже, дышать становится чуть легче. Я даже нахожу в себе силы сходить в душ, постоять немного под расслабляющими прохладными струями воды.

Со временем я даже перестаю прислушиваться к каждому звуку. Чем я помогу себе, будучи настороже? Да ничем. Абсолютно. Совсем.

Сейчас проще принять и расслабиться. Отдать все полномочия по моему спасению папе. А самой хотя бы поспать. Набраться сил перед завтрашним днем, который, уверена, высосет из меня все соки.

Просыпаюсь оттого, что дышать трудно. Кто-то прижимает меня к кровати, наваливаясь всем телом.

Сознанием тут же овладевает паника. Страх. Истинный.

От которого конечности леденеют.

Хочу закричать, сбросить с себя тяжелое чужое тело, но мне тут же зажимают рот.

– Чщщщ, Бельчонок... – узнаю его голос. Ни с чем не спутаю. Никогда. – Выдохни. Я очень устал, и хочу расслабиться. Ты ведь здесь как раз для этого.

Мычу что-то нечленораздельное ему в руку. Не оставляю попыток затолкать обидчика пятками. Но ему хоть бы хны. Жестко держит. Захват мертвый.

– Сейчас я разожму ладонь, а ты бросишь попытки заорать.

Нет, козлина! Не дожدهшься!

Его крепкий член упирается прямо между моих ягодиц. Чувствую эту каменную твердость даже через пушистый халат, что нашла в ванной комнате после душа.

Неужели, вот так все случится?

Бандит убирает ладонь от моего рта.

– Отпусти! Я не хочу! – взываю тут же. Но мой крик поглощается мягкостью подушки.

Чувствую, как чужие пальцы скользят по бедру, задирая халатик, как пробираются к промежности, вызывая острые спазмы.

– Не хочу! Не буду с тобой!

Пальцы вбираются мне между ног. Резко. Беспощадно. Киска тут же реагирует, обдавая их благодарной влагой.

– Мою доброту надо отрабатывать, – рычит позади муж-

чина. – А ты пока стараешься плохо. Меня это бесит!

Его пальцы во мне ускоряются. Таранят нежную плоть все сильнее.

Уже не получается отбиваться. Ладонями лишь беспомощно стискиваю простыню.

Бандит наклоняется, кусает мою влажную шею, и этот укус теперь горит, точно свежее клеймо.

Он вытаскивает пальцы, и теперь горячая плоть упирается своей твердостью туда, где они только что были. Его дыхание учащается, меня парализует. Мир меркнет.

Чувствую, как массивный член надавливает на мой влажный, нетронутый никем вход и начинаю плакать. От безысходности и обиды.

– Босс! – разносится за дверью.

Это Рамиль. Узнаю его сквозь пелену собственно страха.

– Босс! – снова басит он, долбясь в дверь моей комнаты.

– Сука! – ругается бандит, но все же отстраняется. Отпускает меня, чтобы открыть дверь.

Я тут же подбираюсь, прижимая ноги к груди. Мне важно защититься. Закрыться от него.

– Там Алисе плохо, – сообщает бугай неприятную новость. – Вас зовет.

Глава 13

Дана

Бандит уходит. А я больше не сплю. До самого утра. Не смыкаю глаза даже на минутку.

Я все пытаюсь понять, как в одном человеке может ужиться такой монстр и любящий отец одновременно?

Он кинулся к дочери сразу же. Без раздумий. Даже несмотря на то, что его член рвал ткань брюк, и возбуждение, уверена, было сложно терпеть.

И я уважаю этого мужчину за такое отношение к ребенку и так же люто ненавижу за скотское отношение ко мне.

Ранним утром все та же девушка приносит мне завтрак. Она молчалива, но и я не предпринимаю попыток больше расспрашивать ее.

Следом приходит еще одна. Такая ухоженная дамочка с чемоданчиком визажиста.

– Мне поручили сделать вам укладку и макияж, – улыбается она.

Совсем не обращает внимания на Рамиля, оставшегося в комнате. Неужели, его вид не вызывает в визажистке никакого страха?

Бросаю взгляд на Рама. Он быстро читает мои намерения и жестом снова перерезает себе горло, как бы предупреждая, то будет, ели я раскрою рот.

Раньше я часто пользовалась услугами такого рода. Хотя и сама умею отлично накладывать макияж и завивать волосы. Подобная процедура впервые вызывает какое-то отвращение. Мне мерзко даже смотреть на себя в зеркало. Меня точно перед казнью наряжают. Запаковывают в красивый футляр, чтобы потом приятнее было избавляться от него. Добираться до того, что скрывается внутри.

Девушка хлопчет надо мной довольно недолго. Рам то и дело поторапливает ее, напоминая, что у нас мало времени.

И вот длинные рыжие локоны спадают по плечам, взгляд подчеркнут правильно подобранным макияжем, вот только счастливее я от этого не становлюсь.

– Теперь одевайся, – командует Рамиль. – Пять минут у тебя осталось.

– Что мне надеть? – интересуюсь.

– А мне какая разница? Босс сказал у тебя все есть.

Выдыхая, подхожу к шкафу. Выбираю самое закрытое и длинное платье. Оно садится в обlipку и на моем теле выглядит даже развратнее вчерашнего красного.

Черт!

Но Рам уже не дает переодеться, так что даже туфли приходится натягивать на босые ступни на ходу.

– Может, хоть намекнешь, куда мы поедem?

– Увидишь, – бурчит в ответ.

С чего я вообще взяла, что он поможет?

Хозяин дома ждет меня во дворе рядом с машиной. Ози-

раюсь по сторонам. Мне почему-то хочется увидеть девочку. Не знаю зачем. Она как напоминание сейчас о том, что ее отец может быть нормальным и бояться мне нечего.

Но Алисы нигде нет. Как и напоминания о том, что она вообще была.

Мужчина распахивает передо мной дверцу авто. Не сопротивляюсь. Забираюсь внутрь. Он обходит машину и садится рядом. Место водителя занимает другой мужчина, которого я не видела ранее.

Выглядываю в окно. Точно ищу спасения. Мне страшно. Там, совсем рядом, давит лыбу Рам. Он поднимает ладонь, как бы пожелав мне счастливого пути, и наша тачка тут же трогается с места.

– Как твоя дочка?

– Не твое собачье дело! – огрызается мужчина. Ему не нравятся мои вопросы. Раздражает, что я упоминаю его девочку.

– Куда мы едем? – спрашиваю. Волнения в голосе не получается унять.

– Сегодня проходит экономический форум. Что-нибудь слышала о нем? – тон холодный, как и всегда. Безразличный и жесткий.

Я знаю про такое мероприятие. Мой отец политик. Известный.

– Слышала, – отзываюсь. – Правда, не знала, что туда приглашают таких ублюдков, как ты.

Не знаю, зачем рою себе могилу, но в моем тоне столько презрения, что его трудно не заметить.

– А у тебя дерзкий рот, сука! Поездка будет долгой, наверное, тебе стоит его чем-нибудь занять, – на лице бандита появляется хищная ухмылка.

Он кладет ладонь на свой пах, и я замечаю там бугор. Почему он всегда возбужден? Какого хрена у него всегда стоит? Ком в горле застревает.

– Для этого нарядил меня? Чтобы трахать было приятнее?

Ищу пути отступления. Может, из машины выпрыгнуть? Нет. Мы уже на трассе. Только кости переломая, или под колеса попаду.

– А ты смекалистая. Хочу чтобы моя игрушка выглядела дорого. Была ухоженной и чистой. И сейчас я хочу твой рот.

– Нет! – уверенно, но голос предательски дрожит.

– Нет?! – уточняет с издевкой. – Марат, останови. Шлюха хочет отсосать нам обоим. Прямо на дороге, как и положено дешевке типа нее.

Водитель притормаживает.

Страшно. И страх ощущается болью. Если эти двое выволокут меня из машины, я не смогу противостоять им. Лучше уж сосать одному главарю и по собственной воле, чем всем, кому он прикажет и по принуждению. Никто из них не будет нежным. Они просто-напросто рот порвут.

– Нет! Не надо... – молю, заглядывая в глубину темных глаз. Там же должно быть сострадание. Хоть какое-то.

Бандит просит водителя продолжить поездку.

– Тогда приступай, – кивает на свой член. – Пока доберемся до места, как раз успеешь отсосать.

Нехотя, перебарывая саму себя, чуть склоняюсь и тянусь похолодевшими пальцами к ремню на брюках.

Ничего не получается. Конечности не слушаются. Не выходит справиться с пряжкой.

Мужчина вздыхает, и сам расстёгивает ремень и достает налившийся желанием член. Он не испытывает никакого стыда перед своим водителем. Мне же хочется провалиться сквозь землю, особенно, когда замечаю в его руках телефон. Снова.

– Это мне на память, – будто отвечает на немой вопрос мой мучитель.

Вздыбленная плоть дергается. Окружающая обстановка добавляет остроты. Между ног становится влажно, когда я думаю о том, как порочно и грязно выглядит все со стороны. О том, что представляет водитель и как он, наверное, тоже возбудился.

– Ну же! – обращается ко мне бандит. Он нажимает на «плей».

Проводит бархатистой головкой по моим сжатым губам.

– Открой рот.

Рассудок становится мутным. Это от страха. Инстинкт самосохранения. А я очень, очень сильно хочу жить.

Потому вбираю головку в рот и медленно посасываю. Лас-

каю языком. Почти не отдаю себе отчета в том, что делаю.

– Быстрее... – хрипит мужчина, прижимая мой затылок ладонью.

Потом оттягивает мою голову назад, снимает с себя, чтобы посмотреть на мое покрасневшее лицо и влажные губы. А затем снова опускает на член и заставляет сосать, пока не кончает. Пока не наполняет мой истерзанный рот своим семенем.

Закашливаюсь, когда бандит отпускает меня.

– Я тебя ненавижу! – выпаливаю, даже не пытаюсь больше сдержать слез отчаянья.

– Так будет только приятнее ебать тебя, – ровным голос сообщает он мне, но я впервые улавливаю в его тоне нотки презрения. – Марат, дай салфетки.

Водитель тянется к бардачку и достает оттуда небольшую упаковку. Передает нам, и бандит протягивает эту пачку мне.

– Приведи себя в порядок, Бельчонок. Сегодня нам предстоит встреча с одним очень известным человеком. И он должен за тебя порадоваться.

Глава 14

Дана

Четыре недели назад

– Это что такое? – визжу как сумасшедшая.

– Лат-те... – заикаясь отвечает служанка, и я вижу испуг в ее глазах.

Правильно, пусть боится! Не думаю, что она останется раб-ботать здесь после того, что сделала.

– С чем оно? – язвительно спрашиваю я, стараясь не за-кипеть раньше времени.

Но я уже киплю! Еле сдерживаюсь, чтобы не разорвать на части эту тупую дуру!

– Ко-фе и м-молоко, – в ответ еле слышно.

– Какое молоко? – сцепляю зубы. Я не пью молоко! Я не пью долбанное молоко!

– О-обычное. К-коровье.

– А я просила кокосовое! Я пью чертово латте с чертовым кокосовым молоком!

Мое терпение реально теряется. А голос почти непохож сам на себя.

Почему я должна страдать из-за того, что прислуга в на-шем доме бесконечно тупая и не может запомнить простых вещей?

– П-простите, – всхлипывает девчонка.

– Простите? Просто простите? На! – выплескиваю уже остывший кофе прямо на нее, обливаю всю форму. – Сама пей, тупица!

Девушка закрывает лицо руками и начинает плакать.

Закатываю глаза. Она же сама виновата. Сделала бы все как надо, я бы и слова не сказала!

– Что здесь происходит? – в гостиной появляется папа. Вид у него недовольный. Но так часто бывает, я уже и не обращаю внимания.

– Вот, полюбуйся! – говорю ему. – Я просила кофе на козосовом молоке, а она... – даже не договариваю. Просто выдыхаю. Мне нужен мой кофе! Я хочу свой кофе!

– Ты хоть понимаешь, что могла обжечь ее?

– Что? – от недоумения у меня изо рта вырывается смешок. Он что, на ее стороне?

– Она мне кофе принесла с коровьим молоком, пап! Я ее по голове должна была погладить?

– Простите, мою дочь, – отец подходит к нерадивой служанке и касается ее плеча. – Я обязательно компенсирю вам все неудобства.

Чего? Он в своем уме вообще? Мы за что зарплату обслуживаем?

– Идите, переоденьтесь, и можете проезжать домой.

– Спасибо, Станислав Григорьевич, – пищит девушка, всхлипывая.

Она спешит удалиться, а я с негодованием смотрю ей

вслед. Это как вообще? Как, блин?

Более того, я осталась без кофе! Папа сейчас сам пойдет его варить!

– Папуль, ты нормальный? – уточняю с усмешкой в голосе, но, на самом деле, мне не смешно.

– Замолчи! – рывкает он на меня. Впервые в жизни.

И я вытягиваюсь по стойке смирно от испуга и неожиданности и обиды за себя.

– Папуль?!

– Мне это надоело, поняла?! Вот ты у меня где сидишь! – отец сжимает ладонью свое горло.

Я не нахожусь, что ответить. Шок. Папа поднял на меня голос. Впервые.

– Вчера тебе неправильно заправили постель, позавчера разводы оставили на машине после помывки, а ты в порыве гнева снесла зеркало. Дальше что? Я столько людей из-за тебя уволил!

– А в чем я, прости, виновата? – искренне не понимаю. Пытаюсь врубиться, но не выходит! – В том, что кто-то не умеет выполнять свою работу?

– А ты? – внимательный взгляд отца очень меня пугает. – Что умеешь ты?

Не отвечаю. Только часто дышу, высоко вздымая грудь. Его претензии ни в какие ворота!

– Тебе девятнадцать лет, Дана! Ты окончила школу, а в университет идти не захотела. Все, чем ты сейчас занима-

ешься – прожигаешь жизнь!

– Я могу себе это позволить! – выпаливаю.

– Да что ты говоришь? – Отец выставляет перед собой ладонь и начинает загибать пальцы: – Шмотки тебе покупаю я, рестораны оплачиваю тоже я, за службу плачу я, даже тусовки твои сраные проходят за мой счет! Ты хоть представляешь, сколько бабла мне пришлось заплатить, когда твои обдолбанные дружки разнесли несколько витрин в ресторане?

– Ну, так не я же! – возмущаюсь. Вот последнее было реально не заслуженно.

– Что у вас здесь случилось? – голос старшего брата поселяет внутри меня облегчение.

– Егор скажи ему! – молю его. Понимаю, что поможет – братишка души во мне не чаает. Папа, как я думала, тоже.

– И это я уже молчу о твоих откровенных нарядах! Я уважаемый человек! Меня в стране все знают! А моя единственная дочь, вырядившись, как шалава, шляется по клубам и вообще ничего не хочет делать!

– Егор! – взвизгиваю. Он должен это остановить! Папу уже заносит. Сильно заносит!

– На самом деле, отец прав, Дан.

– Что?

– Тебе пора взяться за голову. Хотя бы пойти учиться.

У меня глаза на лоб лезут оттого, что сейчас произносит мой брат. Впервые в жизни он не на моей стороне. От шока задыхаться начинаю.

– Я хотела! Предлагала ему!

– Что ты предлагала? – рывкает папа. – Чтобы я купил тебе диплом? Это? У тебя ветер в голове! Ты вообще ни о чем не думаешь! Что будет, девочка моя, если денег вдруг не станет?

– Как это не станет? – на полном серьезе недоумеваю.

– А вот так!

– Пап, не носи чушь! Ты завелся на пустом месте! – напминаю ему.

– На пустом месте? – кричит отец, срывая горло. – На пустом месте, блядь?!

– Что она опять натворила? – вздыхает Егор.

– Тебе список только за сегодня дать или вообще?

– Пап, успокойся! – брат, кажется, начинает волноваться за папу.

– Сегодня ты вылила кофе на Леру, – ее Лера, оказывается, звали?! – На прошлой неделе вылила ведро с грязной водой на голову другой девушке, разбила зеркало в машине, я тебе ее, между прочем, купил только неделю назад! Напомнить, как в прошлом году ты сбила на пешеходном переходе старушку?

Нет, это уже выше моих сил!

– Остановись! – прошу я.

– Напомнить, что ты тогда сказала? – не унимается отец.

Егор трет лоб и раздувает щеки.

– Не надо! – огрызаюсь. Я все помню, и до сих пор не

считаю себя виноватой. – Та вонючая бабка жива-здоровая, и я вообще не вижу смысла это припоминать!

– Знаешь, что? – к этому моменту папа становится таким красным, что может посоперничать с любым, даже самым спелым помидором. – Я лишаю тебя всех денег!

– Пап?! – одновременно восклицаем мы с братом.

Испуг становится таким сильным, что меня обдаёт жаром. Сильно. Сразу по всей поверхности тела. Как это лишает денег? Я не смогу без денег!

– С этой самой минуты, поняла меня?!

– Папуль?! – из моего пересохшего рта сейчас выходит только взволнованный шепот.

– Может быть тогда ты начнешь ценить других людей? Ценить работу? Деньги, в конце-концов?

– Отец, давай, обсудим, – предлагает Егор, но даже я понимаю, что бесполезно. Станислав Тихонов из тех, кто держит обещания, и это я знаю точно.

– Обсудим, обсудим, – соглашается папа, но таким тоном, что надежда окончательно тает. – Как только эта неблагодарная свинья покажет мне, что хоть немного изменилась, я буду готов хоть что-то с ней обсуждать!

Начинаю плакать. Не могу поверить, неужели, все на самом деле?

– Папочка, пожалуйста, – сейчас я готова упасть на колени, хотя никогда не делала этого, ведь обычно в ноги падали мне, даже папуля всегда потакал и баловал. – Я исправлюсь.

Я буду стараться. Я... никогда больше не обижу и не буду столько тратить.

Сейчас я искренне готова меняться, потому что мне страшно.

– Хватит! Надоело! – обрубает мою речь отец. – Я устал смотреть на то, как ты деградируешь! На то, как хамишь и унижаешь других людей!

– Ты не сделаешь так! Ты не поступишь так со мной! – визжу и, кажется, даже топаю ногами.

– Прости, – голос родного человека становится мягче, но он все так же жесток и неприемлем для меня. – Я хочу, чтобы ты стала достойным человеком. И работа точно пойдет тебе на пользу.

Глава 15

Дана

Вырываю салфетки из его рук.

Ублюдок!

Урод несчастный!

Чтобы ты сдох, скотина!

Мне хочется заорать. И заорать так сильно, чтобы заглушить всю боль на душе.

Остервенело протираю лицо. От вкуса спермы меня тошит. И я обещаю себе, что убью его. Как только появится малюсенький шанс! Как только выдастся возможность! Я вонжу нож в его сердце и даже не дрогну. Потому что этот человек заслуживает смерти!

Мне трудно переживать такое отношение к себе даже не потому, что оно омерзительно априори, а потому, что я не привыкла к подобному. Всю жизнь меня убеждали, что я должна быть только красивой. От меня ничего не требовалось, меня окружал обслуживающий персонал, и папа делал все. Буквально. Любая прихоть исполнялась по щелчку пальца.

А теперь я не просто горничная в вонючем отеле, что должна выгребать дерьмо за другими, я еще и шлюха, которой пользуются вот так нагло и бесцеремонно. Игрушка в чужих руках, не имеющая права голоса.

– Какого это? – спрашивает этот мудака, и я даже не сразу понимаю, что обращается он ко мне.

Голова пухнет от происходящего и горло саднит. Я все еще чувствую, как в глотку проникает крупный член, раздирая меня, кажется, на части.

– Я тебя спрашиваю, Дана! – теперь уже более резко. Мне приходится обратить внимание. – Какого это быть беспомощной и напуганной?

Триумф в его голосе заставляет меня собрать самообладание в кучу. Я не позволю этому уроду топтаться на месиве из моих чувств.

– А какого это быть таким мерзким ублюдком, мистер Никто? – усмехаюсь с видом победителя. Мне хочется показать ему средний палец, но я сдерживаюсь, потому что понимаю – последствия не минуют.

Они и так мгновенно настигают меня. Мужчина налетает коршуном, придавливает меня за горло к стойке возле двери, прижимая так сильно, что запасы воздуха стремительно тают.

– Держи свой грязный язык за зубами, сука! Я ведь могу перестать быть таким галантным, – предупреждает он, и я пытаюсь улыбнуться, насколько позволяют тиски.

Галантным? Пихать мне член в рот против воли, да еще и при водителе – разве так это называется?

Бандит отпускает мое горло, расслабляя руку. Откидывается на свою сторону диванчика.

– Хоть одно лишнее слово на мероприятии, и ты пожалеешь, что на свет родилась, ясно? – предупреждает мудак, пока я закашливаюсь, пытаюсь нормализовать дыхание. – Приучись использовать свой дрянной язык, только когда я приказываю тебе вылизать мне яйца.

Отворачиваюсь к окну. Я не хочу никому ничего лизать, потому стараюсь не реагировать.

Экономический форум... Как часто папа бывает там? Вроде, каждый год. Бандит сказал, что мы встретимся с одним известным человеком, что должен за меня порадоваться.

Никому, кроме отца я не интересна. В то же время, похититель отказался даже слушать о нем, о богатстве, которое папа имеет. Связавшись в ним, бандюга мог получить свою пропaju и даже больше. Мы бы навсегда закрыли эту тему, а папа, может быть, понял бы, какую ошибку совершил, выгнав меня из дома и поселив в каморке на цокольном этаже в хрен знает скольких километрах от родного города.

Но бандит не стал звонить... А что, если все же позвонил?

Сердце начинает биться чаще, когда я думаю о возможной встрече с отцом. У меня, наконец, появится шанс. Папа ведь не бросит родную дочь. Выручит. Поднимет связи. У него полно связей. Его знают все. Ну, практически. Забрать меня домой, пусть и у такого мерзавца, для папули не составит никакого труда.

Автомобиль останавливается возле какого-то высокого

здания из стекла и бетона, на парковке, где уже много таких же дорогих и элитных машин.

Вижу, где-то в районе входа уже собираются приглашенные и репортеры. События такого уровня обычно транслируются на всю страну.

От осознания этого как-то беспокойно становится. Сердце просто бешеное. Волнение не удается унять.

Бросаю беглый взгляд на своего спутника. Он спокоен и холоден как всегда. Все черные рисунки надежно спрятаны под синим костюмом с тугим галстуком. На руке дорогие часы. Отец тоже носит эту марку, потому знаю. Ничто не выдает в бандите неандертальца, способного истязать своим членом женщин. Привязывать их к стулу, насиловать, угрожать.

Надо бы хоть узнать, как его зовут, хотя вряд ли мне это хоть что-то даст.

– Держи, – мужчина копошится в кармане, и протягивает мне что-то.

С удивлением понимаю, что это трусики. Маленькие черные, состоящие практически из нескольких ниточек кружева.

– Надень их, – командует мне. – Боюсь, не смогу сдержаться, зная, что твоя киска совсем голая.

– А как же «шлюхе ненужно белье»? – язвительно спрашиваю.

– Нет, малышка, – бандит тянется пальцами к моему лицу, и я вздрагиваю, шумно выдыхая, когда они касаются кожи

на щеке.

Их прикосновение нежное и почти неощутимое, но оно тяжестью остается на мне.

– Сегодня ты не шлюха, а любимая женщина, – чужие пальцы ползут по еще, спускаясь по шее, учащая мое дыхание. – Готова сыграть эту роль, Бельчонок?

– Я ведь не могу отказаться... – произношу утвердительно, и наглые пальцы прищипывают выпирающий под тканью платья сосок.

– Ты вообще ничего не можешь, – напоминает похититель. – Ты – пыль. Пустое место. Моя вещь. И сегодня моя вещь будет самой послушной игрушкой на свете, правда?!

Бандит крутит сосок между пальцам, и горячие волны разносятся от него по всему телу. Едва слышно стону от этого ощущения.

– Я не слышу, – голос теперь звучит с нажимом и пальцы с садистским рвением до боли стискивают горошинку.

– Ай! – вскрикиваю. – Да, да! – обещаю. – Я сделаю, как ты скажешь!

Чуть было не добавляю «ублюдок», но вовремя осаждаю себя.

– Тогда надевай трусики, нужно прикрыть твою мокрую киску.

Глава 16

Дана

Забираю трусики. Я делаю это даже не из-за его приказа, хотя и из-за него тоже. Мне просто будет комфортнее, зная, что сокровенное скрыто, имеет хоть какую-то защиту, пусть и такую тонкую и прозрачную.

Бандит внимательно следит за моими действиями. Натягиваю трусики сначала на ноги, осторожно, пытаюсь не коснуться туфель, а затем неуклюже располагаю на месте, стараясь не дать уроду разглядеть мои прелести.

Щеки пылают жаром от стыда и ненависти. Я вновь обещаю себе, что буду отмщена. Что сделаю все, только бы наказать обидчика.

– Что?! – раздраженно спрашиваю, понимая, что взгляда он не отводит.

– Не забудь про улыбку. Хочу, чтобы ты натянула ее на свою милую мордашку и не снимала до самого вечера.

Фыркаю. Сначала морщусь, а затем демонстративно растягиваю губы, глядя прямо в его наглые темные глаза.

– Отлично. Теперь можно выходить. Только не спеши, я сам открою тебе дверь.

Злюсь про себя. Красивый и «галантный». Рядом с ним я буду выглядеть просто на зависть всем присутствующим на форуме женщинам. Но только мы вдвоем будем знать, что

скрывается за идеальной картинкой нашей бутафорской пары.

Мужчина подает мне руку, помогая вылезти из автомобиля. И не отпускает ее. Сжимает своей крупной, немного жесткой ладонью и тянет за собой в сторону здания.

Семеню за ним ногами. Идем мы молча. Я стараюсь не обращать внимания на натертые ноги. Сейчас на мне другие туфли, и я надеюсь, что к концу мероприятия не сотру кожу до мяса. Хотя, почему я вообще должна думать о таком? Это ведь меньшее из всех моих бед.

Следы от веревок отлично скрываются ремешками обуви. На запястьях у меня широкие браслеты. Рамиль заставил надеть их перед самым выходом.

Сейчас я даже жалею, если честно, что напялила их. Думаю, у репортеров возникло бы много вопросов к мистеру Никто.

Но теперь поздно пить «Боржоми», когда почки отказали. Мне приходится улыбаться, когда мы с моим спутником останавливаемся возле самого входа, чтобы попозировать для фотографии на специальном фотофоне.

Мужчина укладывает руку мне на талию и притягивает ближе. Удивляюсь, какая она горячая и тяжелая. И я чувствую себя такой хрупкой и маленькой рядом с ним, что в груди невольно раскрывается странное волнение.

Мне кажется, я даже дышать чаще начинаю. Будто это его касание хоть что-то значит.

– Как тебя зовут? – спрашиваю, когда мы оказываемся внутри, а большинство репортеров отвлекаются на других участников.

Бандит молча поворачивает на меня голову.

– Странно ведь, что «любимая девушка» не знает твоего имени. Будет неловко, если я назову тебя, скажем, Федотом, в то время, как ты какой-нибудь Влас.

Не знаю, откуда приходят в голову эти дурацкие имена. Мне просто хочется задеть его, и задеть как можно больнее.

Мужчина никак не реагирует на мой детский выпад. Но зато отвечает:

– Меня зовут Кир. Кир Дмитриевич Чернов. Повторить? – внимательно смотрит, точно проверяет на вшивость.

– Дана Станиславовна Тихонова, – отзываюсь, называя себя. – Моя фамилия тебе о чем-нибудь говорит?

Конечно, я надеюсь, что он знает отца. Все присутствующие здесь в курсе, кто это такой. И я уверена, бандит в курсе всего. Вот только разгадать его мерзкую игру мне пока не удастся.

– Ты ведь не думаешь, что он сможет увезти тебя отсюда? – отвечает вопросом на вопрос, вполне давая ответ на мои предположения.

– Я думаю... – не успеваю ответить, потому что Кир перебивает:

– Я не делюсь своими вещами без надобности, – сообщает он мне. – И максимум, что ему будет позволено – смотреть

издалека.

В голове мысленно вспыхивает продолжение фразы в стиле: «На то, как я тебя трахаю», и я поджигаю губы, вспоминая все те видео с моим участием, что бандиту уже удалось заснять.

– Ты больной ублюдок! – щиплю с презрением.

– Чщщщ... – мужчина хватает меня за плечо, грубо притягивая ближе. – Не в твоих интересах устраивать спектакль.

– Я думала, мы и так его устраиваем.

– По моим правилам, – напоминает Кир, и отпускает меня, наглядно демонстрируя, что разговор окончен.

Я же выдыхаю и оглядываюсь. Папы нигде не видно. Но теперь я точно знаю, что он будет здесь.

Правда, тут слишком много народу, чтобы разглядеть отца. Холл огромный, и у меня глаза разбегаются.

– Мне нужно в туалет, – сообщаю. Не особо надеюсь на разрешение, но так у меня будет шанс обойти как можно больше квадратных метров территории.

– Хорошо. Я буду ждать тебя у той стойки, – показывает на один из плакатов неподалеку.

Выгибаю бровь. Мне дико даже думать, что бандит так просто отпустил меня.

– А если я сбегу? – сама не понимаю, зачем спрашиваю это. Бежать бы без оглядки, и вместо туалета метнуться к полицейским. Показать им следы от веревок и попросить защиты.

– Думаешь, я выезжаю в такие места без охраны? – вполне серьезно усмехается мужчина. – Даже не думай, Бельчонок, наказание будет болезненным.

После его слов к горлу подступает ком. Вот так просто, с легкой подачи, ему удастся заставить меня поверить. Каждому слову. А я ведь не знаю наверняка о наличии охранников, и могу лишь строить догадки.

– Туалет там, – Кир неопределенно кивает головой в самую дальнюю от нас сторону.

И я, поджав губы, направляюсь туда.

Свободы не чувствую. Уверена возможности сбежать нет. Бандиту как-то удалось мне внушить нерушимость силы его слов. Более того, мне не хочется испытывать боль. Я просто найду папу. И тогда все изменится.

Внимательно разглядываю всех присутствующих. Отца я узнаю даже со спины и, несмотря на то, что многие мужчины тут похожи друг на друга. Да и женщины тоже. Такая официальщина, что аж тошнит.

Я иду медленно, разглядывая каждого участника, но папы не нахожу. Наверное, он находится в другом конце или еще не приехал.

В туалете пью воду прямо из-под крана.

Мне нужно сосредоточиться и унять волнение. Отец точно будет здесь! Мне остается только найти его.

Закрываю глаза на секунду. Выдыхаю.

– Ты что устроила? – неожиданно слышу знакомый голос.

Очень недовольный. Даже злой.

Папа. Слава Богу! Он сам нашел меня.

Глава 17

Дана

– Папуля! – бросаюсь к нему. Моей радости нет предела. Но он делает шаг назад. Мотает головой.

– Что ты устроила? – снова спрашивает.

До меня только теперь доходит, как он зол.

– Ты о чем вообще? – непонимающе смотрю на родного человека.

– Я так и знал, что ты найдешь способ сбежать! – недовольно выплевывает мой отец.

Даже слов подобрать не могу. Мир переворачивается с ног на голову. Забываю от кого и зачем бежала.

– Пап, меня похитили! Он делал... делал ужасные вещи со мной! – воздуха буквально не хватает. Дышать нечем и тошнит.

– Не ври! Я все видел!

Перед глазами вдруг встают кадры моих унижений. Неужели, папа видел этот ужас?

– Впервые вижу, чтобы похитителям так мило улыбались! – рявкает отец. – Не припомню, чтобы жертв привозили на мероприятия, типа этого!

– Все не так! – мой голос почти переходит в истерический рев. Папа из тех людей, кого невозможно переубедить. Сейчас он поверил в сладкую картинку Кира, ведь я действи-

тельно отлично отыграла.

– А как? Я старался для тебя! Все, что делал, было для тебя! Мне казалось, из отеля ты должна была выйти другим человеком! Но ты сбежала, как только представилась возможность! Ты слушалась меня!

– Все не так! – не знаю, как заставить отца поверить. Я не виновата. Я не сбегала. Я, честно, изо всех сил старалась делать, как он говорит: драила полы и унитаза, хотя раньше ни разу не держала в руках тряпку.

Мне пришлось переступить через себя. Наступить себе же на горло так сильно, что легкие налились болью. После того, как вымыла первый номер, не спала всю ночь. Плакала. Нет выла. Скулила в своей каморке в подвале и хотелось задохнуться. С непривычки болели мышцы. И душа ныла.

Потом стало чуть легче, но я не оставляла надежды, что отец с братом заберут меня очень скоро.

– Не утруждайся! Дима рассказал мне все! Как ты сбежала с Черновым, стоило ему появиться в вашем отеле!

– Он выкрал меня, пап! Он меня насиловал! – плачу, потому что это все, что мне остается.

Тяну к папе руки, но он отталкивает меня.

– Если бы Чернов тебя насиловал, ты бы не жалась к нему сегодня, как мартовская кошка! – отец краснеет еще сильнее.

Он зол. Очень. Нет. Его одолевает настоящая жгучая ярость. Папа не верит ни единому моему слову. Зато беспрекословно поверил в историю Дмитрия Владимировича,

хозяина отеля, позволившего всему случиться прямо у него под носом.

– Я докажу! – умоляю. – Я могу доказать!

Пытаюсь стянуть браслеты, но пальцы не слушаются. Я буквально не могу управлять ими.

– Твои поступки говорят лучше любых слов! Я хотел помочь тебе, но ты неисправима! Можешь делать, что хочешь! Ты разочаровала меня... Ты... – отец хочет еще что-то сказать, но замолкает. Просто машет на меня рукой, как бы показывая, что я никчемная и за меня ненужно бороться.

Я к тому времени как раз стягиваю один из браслетов.

– Вот, смотри! – кричу, но родной человек уходит.

Он разворачивается, делает шаг к двери и оставляет меня одну.

– Папа! – громко зову его. Отец – последняя надежда. Больше некому заступиться.

Бросаюсь к двери, но вовремя останавливаюсь. Если я все еще хочу вернуться домой, то истерика у всех на виду, на таком важном для папы мероприятии, станет последней каплей. Разорвет единственный оставшийся между нами канатик, что выглядит настолько тонким, что может порваться в любую секунду.

Потому я останавливаюсь перед дверью, спеша восстановить дыхание. Мне важно понять, что делать дальше.

Комок, раздирающий горло такой огромный, что от боли хочется закричать. Но я стою молча и смотрю на дверь, пока

на щеках высыхают дорожки слез.

Какая-то женщина заходит в туалет, и мне приходится сделать шаг в сторону. Но я продолжаю смотреть на дверное полотно, как замороженная, точно ловлю медленно исчезающий след папы. Пытаюсь прочитывать в нем ответ на самый сложный вопрос. Решение, от которого зависит буквально все.

Внутри все еще теплится надежда, что папа вернется. Сейчас, вот сейчас, он одумается, взвесит все, что услышал и сделает выбор. Выбор в пользу меня.

Но сколько бы я не стояла, как вкопанная, сколько бы не гипнотизировала дверь – он не возвращается.

Окончательно поняв это, обращаюсь к зеркалу. Облокачиваюсь о столешницу и вглядываюсь в свое изображение.

– Разве этого я заслуживаю? – спрашиваю вслух сама у себя.

Раскрасневшееся припухшее лицо.

Все, что я сказала папе было правдой. Но он предпочел поверить в гнусную ложь. Игру, выдуманную Киром ради... Да, хрен знает ради чего!

И я хочу как-то оправдать отца в своих глазах, но у меня ничего не выходит. Где он, мой любимый папочка? Который души во мне не чаял? Который смотрел в рот? Оберегал... Называл меня принцессой.

Обида захлестывает, как сошедшая со снежной горы лавина. Скалюсь, обнажая перед зеркалом зубы.

В моем взгляде столько отчаяния и столько решимости одновременно, что это придает сил.

Ладно, папуля. Думаешь, я готова на все ради бабок? Даже раздвинуть ноги перед кем нужно? Так пусть так и будет.

Умываюсь холодной водой, чтобы уменьшить следы припухлости на лице, а затем уверенно толкаю вперед дверь.

Глава 18

Дана

Выхожу из туалета. Возвращаюсь к Киру. Он ждет меня там, где обещал.

Про встречу с папой не рассказываю, но судя по взгляду бандита, он уже в курсе.

– Как все прошло? – интересуется у меня мужчина, и все, что я желаю в этот момент, расцарапать его нахальную улыбающуюся морду.

– Ты сгоришь в аду! – цежу с ненавистью. – Ты же знал все, правда? С самого начала... Может быть и денег никаких не было?

– Скоро первые выступления. Хочу разместиться в первом ряду, – Кир подставляет мне локоть, и я, сцепив зубы, укладываю на него ладонь.

По пути в зал мой спутник здоровается с некоторыми участниками форума. Меня он представляет, как свою девушку, при этом всякий раз притягивает ближе, и я улыбаюсь. Натягиваю губы так сильно, что скулы сводит.

А после начинается очень скучная и долгая часть «вечеринки». Отец тоже выступает с докладом. Сейчас он выглядит спокойным, и упорно старается не смотреть на меня.

Кир же многозначительно укладывает руку на мою коленку. Именно, когда слово предоставляют папе. Не стремлюсь

сбросить ее. Раз уж я такая шлюха в глазах собственного отца, то пусть любитесь плодами своего воспитания.

Мне хочется провалиться сквозь землю. Сдохнуть. Думала, что самое плохое позади, но ошиблась. Сейчас настолько тошно, что я с трудом давлю тошноту, то и дело подкатывающую к горлу.

В завершении дня нас приглашают на ужин в честь успешного старта форума. Как я понимаю, такая возможность предоставляется не всем. И Кир входит в число счастливицов. Как и папа.

Вначале снова звучат пафосные речи, а после мероприятие приобретает более неформальный вид. Игрет легкая музыка. Официанты не перестают подливать вино в бокалы гостей.

Горячительная жидкость помогает расслабиться. Ощущаю, как жар от алкоголя оседает на щеках. Кир же почти не притрагивается к своему бокалу. За все время, кажется, этот мужчина сделал максимум пару небольших глотков.

Папа не подходит к нам, хотя отлично видит. Он сидит за столиком среди других политиков, негромко что-то обсуждающих.

Наши взгляды встречаются лишь однажды. Я ждала этого момента весь вечер. Обида так сильно горит внутри, что я готова на все, чтобы причинить отцу точно такую же боль, которую он заставил испытать меня.

Прикладываю пальцы к губам, и посылаю папе воздуш-

ный поцелуй. Это привлекает его внимание, и вынуждает задержать на мне хмурый взгляд.

Пальцы трясутся, пока я задираю чуть выше подол своего платья. Смотри, пап, смотри! Я хочу, чтобы ты смотрел. Я хочу, чтобы ты был готов разорвать грудь руками, лишь бы не задохнуться от увиденного.

Трясущимися пальцами подцепляю резинку трусиков. Тяну их вниз, спуская с бедер, и оставляя себя под платьем совсем беззащитной. Раз уж теперь не станет совсем никакой помощи, я спасу себя сама.

Глава 19

Дана

Кир тоже замечает все, что я делаю. Он бросает беглый взгляд на отца, вновь покрасневшего от злости, и на его лице растягивается победная ухмылка.

А потом мужчина с восхищением смотрит на меня. В то время, как я от отвращения к самой себе готова вывернуться наружу.

Тонкое кружево сжимаю в кулаке. От мыслей о собственной порочности неприятно, но, в то же время, ощущаю, как влажнеет между ног. Вопреки всему я возбуждаюсь. Прямо как от просмотра грязного порно.

Прежде, чем продолжить спектакль и встать со своего места, ловлю глазами взгляд мерзавца Кира. Он смотрит на меня, будто бы предупреждая: «Остановись! Иначе...».

Опускаю глаза. Не хочу даже знать, что меня ждет. Если сегодня мне придется расстаться с девственностью, то пусть так и будет.

Я абсолютно не знаю, как правильно соблазнять мужчин. Как завести. Потому буду полагаться на инстинкты. Но что-то мне подсказывает, Киру не нужно будет многого.

Поднимаюсь со своего места, и с видом грациозной ди-кой кошки поправляю платье. Потом делаю несколько шагов, ближе к бандиту и останавливаюсь позади него.

Укладываю свободную руку ему на плечо. Ощущаю сталь тугих мышц. Это почему-то будоражит меня. Как и его чертов запах! Не понимаю, почему этот мужчина рождает во мне самые греховные и грязные мысли.

Наклоняюсь, чтобы прошептать бандиту на ухо:

– Моя киска течет... – произношу, буквально задыхаясь.

От порочности происходящего подкашиваются ноги.

Слышу его глубокое дыхание, и чувствую, как мужская грудь начинает вздыматься чаще.

Больше не смею смотреть на папу. То, что я сейчас сделаю, навсегда разлучит нас. Он никогда не простит. Но я и не готова мириться с таким отношением. Я больше не буду пытаться стать хорошей. Я буду плохой. Настолько плохой, что стыдно будет смотреть даже на собственное отражение.

Расправляю зажатый кулак, и тонкое кружево трусиков падает вниз. Прямо на мужскую коленку.

Сердце заходится в груди. Пути назад нет. И я понятия не имею, какотреагирует на такую выходку мой спутник.

Потому спешу удалиться на свое место. Мне дико думать, что я способна на такой поступок. И щеки горят так сильно, что на них можно было бы запросто поджарить яйца.

Но Кир не дает мне уйти. Хватает за плечо и дергает на себя.

В этот момент меня простреливает таким сильным возбуждением, что киска сжимается, а я непроизвольно издаю рваный выдох.

Мельком вижу свои трусики у него в руках.

– Я хочу трахнуть тебя, – сообщает мужчина. – Сейчас. На этом самом столе. Нагнуть и войти, услышав, как громкий крик сорвется с твоих пухлых губ.

Он серьезно! Он, мать его, серьезно! Я вижу, как эти слова отпечатываются в его горящем взгляде. Как он прокручивает в картинках происходящее, представляя, как имеет меня прямо здесь. При всех.

И я почему-то делаю то же самое. Представляю. Как наклоняет и нависает сверху.

Мне мерзко и сладко одновременно. Я даже забываю, зачем затеяла все это, к чему разыграла спектакль для единственного зрителя.

Сжимаю бедра от дикого желания коснуться себя между ног.

Не понимаю, как можно возбудиться от насильника?!

Кир улыбается. Он точно чувствует все.

Мужчина перебирает в пальцах мои трусики безо всякого стеснения, смакуя эту возможность. Упиваясь властью. А я только сейчас понимаю, что своим глупым поступком отдала ему полный контроль. Точно вручила ключи от самого запретного места на моем теле.

– Но я тоже люблю поиграть, – хищно ухмыляется, вызывая во мне дрожь. Бандит прячет трусики в кармане, демонстрируя, что я попалась на крючок. – Пойдем.

Кир поднимается со стула и протягивает мне руку.

– Отличная композиция. Потанцуем.

Соскочить сейчас будет полным провалом. Потому соглашаюсь, сцепляя зубы.

Краем глаза замечаю папу. Он все еще смотрит, крепко сжимая в руках вилку. Смотри, папуль. Смотри...

Мы с Киrom присоединяемся к другим парам, медленно покачивающимся под красивую плавную музыку.

Кружimsя какое-то время, а потом бандит разворачивает меня спиной к себе. Прижимает плотно. Так, чтобы я могла во всей красе почувствовать его возбуждение. Крепкий, налитый до безумных размеров член. Горячий и твердый.

Мне страшно. Но, в то же время, я испытываю своеобразный триумф.

Чужие ладони скользят по моим бедрам. Нагло и пошло ласкают. Мне кажется, он чертит ими по голой коже. Точно нет на мне никакого платья. Нет преград.

И когда пальцы заходят под край платья – задыхаюсь. Понимаю, как сильно кипит все внутри меня.

Хочется, чтобы он задрал платье и... потрогал меня там. Пальцами собрал влагу. И я содрогаюсь от этой мысли. Бесстыдно подаюсь назад, наталкиваясь на жесткий стояк. Проезжаясь по нему ягодицами.

– Кажется, ты говорила, что я пользуюсь членом так себе? Похоже, пришло время показать тебе, что я умею. И не забывай кричать, Бельчонок. Я хочу, чтобы ты кричала громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.